

Поль Луи

(1872 - 1948)

**ФРАНЦУЗСКИЕ УТОПИСТЫ
ЛУИ БЛАН ВИДАЛЬ ПЕККЕР КАБЕ**

С ОТРЫВКАМИ ИЗ ИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО *Е. Я. УСПЕНСКОЙ*
ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ *М. ЗЕЛИКМАНА*
М.: КРАСНАЯ НОВЬ, ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ. 1923

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Дореформенная орфография сохранена.

Тематические материалы

***Е.Кожокин.* Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 года**

ВВЕДЕНИЕ

I. РАБОЧИЕ ФРАНЦИИ в ЭПОХУ КОРПОРАЦИЙ и МАНУФАКТУР

II. УЧАСТИЕ РАБОЧИХ в ВЕЛИКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

III. РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ и ПРОЛЕТАРИАТ в ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

IV. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ФРАНЦУЗСКИХ РАБОЧИХ в 30-40-е года XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

***А.Иоаннисян.* Коммунистические идеи в годы Великой французской революции**

***В.Волгин.* Сборник работ «Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.»**

***В.Волгин.* Сен-Симон и сенсимонизм**

***В.Волгин.* Социальное учение раннего сенсимонизма**

***В.Волгин.* Французский утопический коммунизм XVIII-XIX вв.**

История международного рабочего и национально-освободительного движения (хронологические таблицы, сост. З.А.Замыслова: от 60-х гг. XVIII в. до 1957 г.)

***В.Волгин.* Этьен Кабе**

***Вильгельм Вейтлинг.* Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть**

Изложение учения Сен-Симона (лекции, прочитанные Анфантенном, Базаром и Родригом)

***В.Волгин.* Социальное учение Вейтлинга**

***В.Альтман.* Жизнь и деятельность Вильгельма Вейтлинга**

Предисловие к русскому изданию

I. Биографии

II. Экономическая среда

III. Коммунистический Манифест и утопический социализм

IV. Луи Блан

«Организация труда»

«Социализм: право на труд»

V. Франсуа Видаль

«О распределении богатств»

VI. Пекер

«Трактат о материальных улучшениях»

VII. Кабе

«Путешествие в Икарию»

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

От той эпохи, к которой относятся четыре писателя-утописта, рассматриваемые в настоящей книге, нас отделяет не только огромное пространство времени, — около трех четвертей века, — но и ряд важнейших исторических событий. И тем не менее отрывки произведений, собранных в настоящем труде, не лишены интереса и приковывают внимание читателя.

Эти отрывки современны еще и теперь, потому что многие мысли, высказанные Луи Бланом, Видалем, Пекером и Кабе, повторяются под другим соусом (часто под оболочкой «марксизма») современными реформистами, с тою лишь разницею, что утописты XIX века были в большинстве случаев искренни в своих заблуждениях, в то время, как реформисты XX века искренно хотят запутать других, сами будучи убеждены в своей неискренности.

В самом деле, в чем состоит главная отрицательная черта утопистов прошлого века, как и их предшественников? Не столько в том, что они создавали фантастические планы организации государства будущего, но, главным образом, потому, что путь к достижению, к реализации их утопий должен был пройти, по их мнению, не через борьбу класса угнетенных против класса угнетателей, не через столкновение противоречивых интересов, постоянно и неизбежно существующих между эксплуатируемым и эксплуататором, а через братское сотрудничество классов, через общность и единство их интересов. Поэтому, и главным образом поэтому, теория утопистов служит не революции, а контр-революции, не пролетариату, а буржуазии.

А в чем главное преступление современных реформистов, героев 2 и 2,5 интернационалов? Разве не в том, что все их усилия направлены к ослаблению классовой борьбы, к затушевыванию противоречий классовых интересов, к созданию классового мира и «священного единения» между современными рабами и их рабовладельцами?

Кто из сегодняшних реформистов с К.Каутским во главе не повторяет про себя мысль, которую Франсуа Видаль высказал вслух еще в 1846 г. в своем сочинении «О распределении богатств»: «Давно уже пора заняться реформами... Завтра, быть-может, будет уже слишком поздно. Революционное брожение происходит в нашем обществе, и мы знаем, что

на этот раз дело идет о революции социальной, а не только чисто политической». Чем мотивирует Видаль свою боязнь перед социальной революцией? «Революция в наше время, — говорит Видаль, — была бы ужасной, чудовищной; она бы повлекла за собой жертвы, разгром, развалины, не организовав нового строя».

Но то, что утописты прошлого столетия искренно высказывали вслух, о том реформисты нашего времени неискренно молчат. Современные соглашатели всех толков и оттенков готовы говорить о реформах, доказывая несвоевременность революции, когда в действительности они боятся ее. Современные реформисты, объясняя несвоевременность революции, стараются опереться в своей контр-революционной практике на марксистскую теорию, подменяя революционный марксизм контр-революционным реформизмом.

И разве каждый из них не готов повторять ежедневно слова утопистов: «нужно действовать посредством идеи, обращаясь лишь к уму, а не через посредство слепой силы, взывая к страстям. Когда умы будут достаточно подготовлены, то создастся широкое национальное мнение, которое сумеет восторжествовать над всеми препятствиями»? Разве Шейдеманы и Ренодели всех стран не вдавливали в головы рабочих масс в течение всей империалистической бойни, что их «отечество» борется за «свободу, право, справедливость»? Не удивительно, что они продолжают проповедывать веру в «широкое национальное мнение», которое должно побороть все препятствия.

Мы не хотим продолжать проведения параллелей между утопистами времен революции 1848 года и реформистами современной революционной эпохи, желая предоставить самому читателю проведение этих параллелей. Но тем не менее следует обратить внимание на то значение, которое утописты прошлого столетия придавали государственной власти. Даже для них было ясно, что нельзя создать нового строя, не владея государственным аппаратом: «Когда вы найдете средство обеспечить торжество принципу ассоциации и организовать труд, следуя правилам разума, справедливости и человеколюбия, — спрашивает Луи Блан в «Организации труда», — то как надеетесь вы реализовать ваши доктрины? Власть — это организованная сила. Она опирается на слепой, но упрямый в своей слепоте интерес, на страсти, враждебные всяким новшествам. У власти имеются судебные палаты, которые будут вам грозить своими законами, трибуналы, которые будут вас ударять своими приговорами, солдаты, которые будут разить вас своими штыками. Так захватывайте же власть, если не хотите, чтобы она вас угнетала! Превратите ее в свое орудие, чтобы не натолкнуться на нее, как на препятствие».

От реформистов нашего времени мы слышим противоположное. Они не только советуют не брать власть, но вернуть ее обратно буржуазии в том случае, если власть находится в руках пролетариата. Последние годы они проводили это на практике, помогая буржуазии Финляндии, Венгрии, Баварии, Латвии, Эстонии свергнуть диктатуру пролетариата, чтобы на ее месте восстановить диктатуру буржуазии. В этом отношении

современные реформисты реакционны по сравнению с Луи Бланом и его современниками. Последние горячо проповедывали захват власти, не желая революции; первые уверяют часто, что они не против революции, только без захвата власти. А потому проповедь вторых вела к революции против их желания, тогда как пропаганда первых направлена сознательно на поражение революции. Ибо, если Кабе наивно вопрошал в 1842 г. в его «Путешествии в Икарию»: «Можно ли ждать, что богачи будут распропагандированы? А разве можно сомневаться в этом? Разве нет просвещенных, справедливых, великодушных богачей?..» — то для современных реформистов такая наивность превращается в преступление, потому что со времен «Путешествия в Икарию» пролетариат прошел суровую школу гигантского развития капитализма с его кризисами, войнами, разрушениями и гибелью миллионов, десятков миллионов пролетариев. И каждый рабочий теперь прекрасно знает, чего стоят «просвещенность, справедливость и великодушные богачей»...

С точки зрения оценки взглядов утопистов эпохи буржуазных революций и сравнения этих взглядов с теми, которых придерживаются соглашатели эпохи пролетарской революции, собранные в настоящей книге отрывки довольно удачны. Следует заметить, что, кроме Луи Блана, остальные три писателя-утописта мало знакомы не только за пределами их родины, но и в самой Франции. Что касается России, то, в особенности молодому, подрастающему, в условиях пролетарской диктатуры, поколению не только не лишне, но крайне полезно ознакомиться с тем, как представляли себе преобразование общества представители мелкобуржуазного социализма прошлого столетия. Мы поэтому старались держаться в переводе ближе к оригиналу, чтобы сохранить стиль и точнее передать мысли авторов.

*М. Зеликман
Москва, январь 1923 г.*

1. Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе. Биографии

В этом небольшом произведении я исследую последовательно Луи Блана, Видаля, Пекера и Кабе. Если они могут быть сгруппированы вместе, то не только потому, что они жили и писали в одну и ту же эпоху, но и потому, что все они — представители утопического социализма, того социализма, который так метко анализировали, подвергли критике и определили Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте». Их утопизм проистекал оттого, что, стремясь свергнуть капиталистическую систему, они рассчитывали на государство, которое само является продуктом капитализма, и надеялись на сотрудничество классов — братство буржуазии и пролетариата — для освобождения последнего из-под опеки первой. С этой точки зрения они близки реформистам всех времен. Луи Блан, принимавший непосредственное участие в общественной жизни, — первый из социалистов, вошедший в министерство, — кончил в стане контр-революции, подобно многим другим, пошедшим по той же кривой, что и он. Характерно для этих

четырех писателей, что они, подметив и разоблачив все недостатки социального строя и возвестив необходимость революции, сами же стали ее заклинать.

Не лишне будет привести несколько биографических данных.

Луи Блан* родился в Мадриде в 1811 году. Он был внуком одного из казненных в эпоху террора, а по линии матери принадлежал к роду Поззо ди Борго. Он рано познал нищету: его семья была, разорена в 1830 году. Вначале он занимал пост мелкого служащего в Париже, затем жил два года в Аррасе, давая уроки и сотрудничая в «Прогре дю Па-де-Кале». Вернувшись в Париж, он основал в 1838 году «Ля Ревю дю Прогре» и в 1839 году выпустил в свет под названием «Организация труда» небольшое произведение, имевшее громадный успех, оказавшее существенное влияние и выдержавшее много изданий. Затем он написал «Историю десятилетия», т.е. первого десятилетия июльской монархии (1830–1840).

Революция 1848 года выдвинула его на пост министра временного правительства и учредительного собрания. Когда 25 сентября рабочие предместий устроили манифестацию, требуя от городской думы работы, Луи Блан на состоявшемся заседании начертал знаменитый декрет: «Временное правительство Французской республики обязуется обеспечить работой существование рабочего; оно обязуется обеспечить возможность труда всем гражданам».

Чтобы провести в жизнь эти формулы, была созвана люксембургская комиссия, согласия на созыв которой Луи Блан добился от Ламартина и других коллег под угрозой выйти в отставку. Положивший начало организации этой комиссии декрет от 29 гласит: «Принимая во внимание, что революция, совершенная народом, должна быть сделана для него; что пришло время положить конец долгим и беспримерным страданиям трудящихся; что вопрос о труде представляет существенную важность; что не может быть более высокого и достойного предмета занятий для республиканского правительства; что особенно Франция призвана изучить и разрешить проблему, стоящую ныне перед всеми индустриальными нациями Европы; что нужно подумать без малейшего промедления о том, как обеспечить народу законные плоды его труда; временное правительство республики постановляет: основать постоянно действующую комиссию, которая будет называться «правительственной комиссией для трудящихся», и на которую будет возложено чрезвычайное и специальное поручение заняться их судьбой».

Здесь не место давать отчет о заседаниях этого органа, который ни к чему не привел и не мог привести.

Общественным мастерским (кооперация, субсидируемая государством), которые восхвалял Луи Блан, Мари противопоставил государственные мастерские, которые заранее были обречены на бесплодие... Буржуазия старалась провести рабочий класс вплоть до того

момента, когда она решила, что наступил удобный час кровавой расправы. То были июльские дни. Луи Блан, который заблаговременно вышел в отставку, чувствуя себя дискредитированным в глазах своих коллег, скрылся в Англию после этого трагического эпизода борьбы классов. Живя в Лондоне и сотрудничая в различных парижских газетах, он в то же время писал историю Французской революции. Он вернулся обратно во Францию лишь в сентябре 1870 года; избранный 8 февраля 1871 года первым по республиканскому списку депутатом от Парижа, он совершил величайшее предательство, превратившись в врага Коммуны. Он оставался депутатом столицы вплоть до 1882 года. Вот список его произведений: «Организация труда» (1839); «История десятилетия» (1830–1840); «Февральская революция в Люксембурге» (1848); «Социализм: право на труд» (1849); «Катихизис социалистов» (1849); «История Французской революции» (1847–1862); «История революции 1848 г.» (1870); «История конституции 1875 года» (1881); «Десять лет английской истории» (1879–1881); «Чем были раньше рабочие братства» (1873).

Видаль** родился в 1812 году в Куграсе (Жиронда), где и умер в 1872 году.

Сначала адвокат, потом публицист, он тщательно изучал сенсимонизм и фурьеризм, заимствуя у одного и у другого элементы для своих доктрин. В 1848 году он был назначен секретарем Люксембургской комиссии и сотрудничал, таким образом, с Луи Бланом, чьи идеи были ему близки. В 1850 году! он был избран депутатом одновременно от Сены и Нижнего Рейна. Редактор «Демократа Пасифик», он известен следующими сочинениями: «О распределении богатств» (1846); «Жить, работая» (1848); «Освобожденный труд» (1849); «Организация личного кредита» (1851); «Об естественной религии» (1860).

Константин Пекер родился в Арле (север)*** в 1801 году и умер в Таверни возле Парижа в 1887. Он тоже принимал участие в 1848 году в работах Люксембургской комиссии, как редактор ее резолюций; затем он работал в качестве помощника библиотекаря при Национальном Собрании вплоть до 2 декабря, когда он оставил этот пост.

Его два главные произведения: «Трактат о материальных улучшениях» (1839); «Новая теория о социальной экономии» (1841).

В общем он пользовался у читателей меньшей популярностью, чем Луи Блан и Кабе.

Этьен Кабе**** родился в Дижоне в 1788 году. Отец его, бочар, дал ему солидное образование. Он был поочередно репетитором, адвокатом и журналистом. После сотрудничества в «Жюрис приданс де Даллоз» он был назначен генеральным прокурором Корсики, но в следующем году лишился этого места из-за своих идей. В качестве депутата от Дижона он боролся с июльской монархией на страницах «Попюлер», и в 1834 году

** Жан-Франсуа Видаль (1812 или 1814 - 1872).

*** Константен Пекер (26.10.1801, Арль в деп.Нор, - 1887).

**** Этьен КАБЕ (01.01.1788 – 08.11.1856). Фрагменты его работ и материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#cabet>.

* Луи БЛАН (29.10.1811 – 6.12.1882). Фрагменты его работ и материалы о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblanc>.

был присужден к двум годам тюрьмы за оскорбление короля. Он эмигрировал в Англию и возвратился во Францию лишь в 1839 году. После того, как он выпустил в 1842 году свое «Путешествие в Икарию», его стали убеждать перейти к действию. Он отправился в Лондон и купил у некоего Петерса Техасское имение.

В сентябре 1845 года он заявил о своем намерении основать там новую республику вместе с 150 икарийцами, уже присоединившимися к нему. Он обеспечил за собой право на управление, а икарийцы должны были отказаться от всего, им принадлежащего, в пользу общины.

Начало было положено в феврале 1848 г., но шли вслепую и сбились с пути. Обвиненный в мошенничестве, Кабе был сначала осужден, потом оправдан и реабилитирован. Он возвратился в Техас, но в ассоциации начались раздоры, и Кабе, потеряв авторитет, умер от горя в Сен-Луи в 1856 г.

После него остались: «История революции, 1779—1830 годы»; «Путешествие в Икарию» (1842), выдержавшее несколько изданий; «Икарийский альманах» и «Истинное христианство» (1847).

II. Экономическая среда

Каков был экономический, социальный и политический строй Франции, когда задумывали свои произведения писатели, о которых идет речь?

То был расцвет июльской монархии, — эпоха, которую Гизо, служивший ярким выражением режима, определял своей знаменитой формулой: «обогащайтесь!»; эпоха, лучше других драматических писателей обрисованная Эмилем Ожье. Вплоть до 1830 года доминирующее значение имела крупная земельная собственность, владельцы которой вместе с Бурбонами вернулись из изгнания. Министрами были бывшие эмигранты или сыновья эмигрантов-дворян. С 1830 года начинает править крупная буржуазия, высшие финансовые и промышленные круги. Буржуазия отобрала все, что оставалось от революции, произведенной парижскими предместьями. Крупная буржуазия господствовала в ту эпоху по всей западной Европе и в особенности в Англии, где периоду расцвета капитализма соответствовало чартистское движение. Хотя во Франции экономическое развитие подвигалось и не столь быстро, как по ту сторону Ламанша, хотя ее горная промышленность, мануфактурное производство, железнодорожное строительство и не делали столь крупных успехов, как там, тем не менее статистические данные свидетельствуют о росте индустриализации.

Железнодорожная сеть с 38 километров в 1830 году развилась до 1832 в 1848 г. Добыча угля поднялась с 1.800.000 тонн до 4.200.000; добыча железа поднялась с 148.000 тонн до 162.000, а производство чугуна с 267.000 до 405.000. Внешняя торговля за период 1837—1846 возросла на 48% по сравнению с предыдущим десятилетием; экспорт тканей, обогащавший фабрикантов Нижней Сены, Соммы, Роны, Луары,

возрос на 50%, в то время как вывоз кож и металлических изделий удвоился

Таким образом, Франция шла все дальше и дальше по пути индустриализации, происходил неуклонный отлив населения из деревни в город. С этого момента налицо все явления этого порядка, характерные для Второй империи и Третьей республики. Финансовое бремя, тяготеющее над государством, увеличивается. С одной стороны, захватившая в свои руки общественную власть буржуазия со дня на день усиливает свое паразитическое существование; с другой стороны, создание скорого транспорта, общие потребности, проистекающие из факта промышленного преобразования, — требуют все более и более крупных государственных расходов. Бюджет все больше и больше начинает носить характер военной контрибуции, накладываемой на массы олигархией. Унаследованная от Первой империи и реставрации налоговая система целиком ложится на народ, так как финансовая аристократия не "видит оснований для экономии в расходовании финансов.

С 1047 миллионов в 1835 году государственный расход возрастает до 1363 в 1840, 1428 в 1844 и 1629 в 1847; дефицит достигает 200 миллионов в год, цифра — смешная сегодня, но огромная для той эпохи. Долг с каждым годом увеличивается. Расплачивается за это пролетариат и мелкая буржуазия. Прямые налоги остаются почти без изменения: 270 миллионов в 1835, 291 в 1845, — тогда как косвенные налоги за 12 лет нарастают больше чем вдвое: 560 в 1835 году, 808 в 1845, 892 в 1847. Буржуазия, безраздельно сосредоточивающая в своих руках политическую власть, не несет почти никакого бремени; бесправные в политическом отношении граждане содержат правящий класс и несут на себе последствия режима, направленного против их интересов, их достоинства и их свободы.

Таким образом, экономическая эволюция — с характерной для нее концентрацией капиталов сосредоточивает в руках все более и более уменьшающейся категории людей все богатства, средства производства, и обмена, а эта категория людей, сосредоточивая в своих руках общественную власть, пользуется этой последней для того, чтобы драть шкуру с широких масс. Вот главнейшие ясно обозначенные черты капиталистического строя, пришедшего на смену феодальному.

Каковы же условия наемного труда?

В этом мире, где полным ходом идут преобразования и быстро дорожает жизнь, они весьма плачевны. Выполненная в 1840 году по плану Академии Наук анкета Вилерме рисует эти условия труда в самых мрачных красках.

В Верхне-Рейнской провинции заработная плата прядильщиков колеблется между двумя и тремя франками, мотальщиц—между 0,75 франками и 1,50; в ткацком ремесле средняя годовая плата составляет 750 франков для мужчин, 280 для женщин, 200 для детей. Цифры эти соответствуют 14 и 15-часовому рабочему дню.

В Лиле, Рубе, Туркуэне заработная плата в текстильной промышленности и других отраслях производства в среднем ниже 2

франков для мужчин и 1 франка для женщин. В Сен-Квентине средняя годовая плата составляет 460 франков для мужчин, 315 для женщин.

В Руэне длина рабочего дня составляет: 15—1512 часов. Мужчина получает от 1,25 до 2 фр.; женщина от 0,75 фр. до 1,50; ребенок — от 0,50 до 1 фр. Таковы ставки городские, деревенские же еще ниже: они составляют 0,90 за 17 часов. В Тараре годовая плата составляет 450 франков для мужчины, 340 — для женщины, 175 — для подростка.

Жизнь огромной части пролетариата полна лишений; другая часть становится добычей гибели; три четверти из них не в состоянии удовлетворить своих самых элементарных потребностей.

Такова в кратких чертах картина французского общества эпохи 1840 года.

III. Коммунистический Манифест и утопический социализм

Чтобы сразу охватить и оценить доктрины писателей, которым посвящена эта книга, достаточно обратиться к оценке, данной утопическому социализму Коммунистическим Манифестом. Из дальнейшего можно убедиться в меткости его критики и характеристики, и я счел не лишним прибегнуть к историческому документу, подписанному Карлом Марксом и Энгельсом*, раньше, чем перейти к анализу произведений. Третья часть Манифеста озаглавлена: «Социалистическая и коммунистическая литература». Третий отдел этой части подвергает анализу критически-утопический социализм и коммунизм. Это относится как к Сен-Симону, Фурье и Оуэну, так и к последующим публицистам, вдохновлявшимся их построениями или их разрушительной критикой.

Я целиком цитирую эту выдержку из Коммунистического Манифеста, как бросающую яркий свет на доктрины Луи Блана, Пекера и т.д.

«Мы не говорим здесь о литературе, которая во всех великих революциях нового времени выражала требования пролетариата (сочинения Бабефа и т.д.).

«Первые попытки пролетариата доставить непосредственное торжество своим классовым интересам, имевшие Место во время всеобщего возбуждения умов, в период низвержения феодального строя, необходимо должны были разбиться вследствие неразвитого состояния самого пролетариата и недостатка материальных условий его освобождения, которые сами являются продуктом лишь буржуазной эпохи. Революционная, литература, сопутствовавшая этим первым движениям Пролетариата, по своему содержанию необходимо является реакционной. Она проповедует всеобщий аскетизм и грубую уравнительность.

«Собственно коммунистические и социалистические системы Сен-Симона, Фурье, Оуэна и т.д. возникают в первый, неразвитый период борьбы между пролетариатом и буржуазией.

«Творцы этих систем видят уже противоречия классов, равно как и влияние разрушительных элементов внутри самого господствующего общества. Но они не видят в пролетариате никакой исторической самостоятельности, никакого свойственного ему политического движения.

«Так как развитие классовых противоречий идет рука об руку с развитием промышленности, то они, не находя в действительности материальных условий освобождения пролетариата, стараются найти социальную науку, социальные законы, чтобы создать эти условия.

«Место общественной самостоятельности должна занять их личная творческая деятельность, место исторических условий освобождения должны занять условия фантастические, место постепенно подвигающейся вперед организации пролетариата в класс — общественная организация их собственного изобретения. Дальнейшая история мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их социальных планов.

«При этом они понимают, правда, что со своими планами они являются выразителями интересов, главным образом, рабочего класса, как более других страдающего класса. Но только в этом качестве более других страдающего класса и существует для них пролетариат.

«Неразвитая форма борьбы классов, равно как и собственное, их общественное положение, приводят к тому, что они считают себя стоящими выше этого антагонизма классов. Они хотят улучшить положение всех членов общества, не исключая и лучше поставленных. Поэтому они обращаются всегда безразлично ко всему обществу, и даже преимущественно в господствующему классу. Ведь достаточно понять их систему, чтобы немедленно признать ее наилучшим планом наилучшего общественного устройства.

«Они отвергают поэтому всякую политическую и особенно всякую революционную деятельность; они стремятся достигнуть своей цели мирным путем и посредством маленьких, естественно обреченных на неудачи экспериментов, они хотят силой примера проложить путь новому общественному евангелию.

«Фантастическое описание будущего общества является в свет в то время, когда пролетариат находится еще в очень неразвитом состоянии и представляет себе свое положение еще совершенно фантастически, оно возникает из его первого, полного предчувствия, порыва к всеобщему преобразованию общества.

«Но в этих социалистических и коммунистических произведениях заключаются также и практические элементы. Они затрогивают все основания существующего общества. Они поэтому доставили драгоценный материал для просвещения рабочих. Положительная сторона их учений о будущем обществе, например, уничтожение противоположности между городом и деревней, уничтожение семьи, частной собственности, наемного труда, провозглашение общественной гармонии, превращение государства в простое управление производством, — все эти положения их выражают лишь необходимость устранения того антагонизма классов, который только что начинает тогда

* Манифест Коммунистической партии, перевод с немецкого под ред. Т.Д.Рязанова, издание «Московский Рабочий». Москва. 1922. - примеч. М.З.

развиваться и известен им лишь в его первичной, бесформенной неопределенности. Потому и положения эти имеют еще совершенно утопический характер. «Значение критически-утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически-отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты. Они неизменно держатся образа мысли своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата. Вследствие этого они постоянно стараются притупить борьбу классов и смягчить противоречия. Они все еще мечтают об осуществлении своих социалистических утопий на опыте, об учреждении отдельных фаланстеров, об основании коммунистических колоний, маленькой Икарии — этого карманного издания нового Иерусалима — и для постройки всех этих выдуманных замков волей-неволей взывают к человеколюбию буржуазных сердец и кошельков. Мало-по-малу они переходят в категорию описанных выше реакционных и консервативных социалистов, отличаясь от них только более систематическим педантизмом и фанатической верою в чудесные свойства своей социальной науки.

«Вот почему с таким ожесточением выступают они против всякого политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым недоверием в новое евангелие».

IV. Луи Блан

Тогда как Консидеран и Пьер Леру позаимствовали свои идеи у Фурье и Сен-Симона, Луи Блан дал более самостоятельную политическую формулу. Он является высоко характерным представителем революции 1848 года, прежде всего потому, что эта последняя усвоила выдвинутые им заранее лозунги, а также и потому, что он играл в ней активную первостепенную роль. Он был популяризатором идеи, гласящей: «социальная революция через посредство революции политической», равно как и другого, общего для всех утопистов того периода положения: буржуазия и пролетариат могут сблизиться друг с другом, заключить союз, смешаться, чтобы выковать новый общественный строй. Он верит в природное великодушие индивидуума и предупреждает движение снизу.

Его сочинение «Организация труда» оказало непосредственное влияние на февральскую революцию. Несомненно. Прудон дал более глубокий анализ и обнаружил несколько иного характера красноречие, систематически опрокинув существовавшие раньше понятия; но разве его «Записки о собственности» или «Противоречия» были доступны массе? Маленькая, живая, интересная по форме, отмеченная крупным ораторским красноречием книжечка Луи Блана была способна подействовать в тот момент больше, чем когда бы то ни было, на

французскую массу, склонную к сентиментальности. Прудон любил тщательно развиваемые логические выводы. Луи Блан исходил из наблюдаемых социальных явлений — нищеты и рабства наемных рабочих, ужасов безработицы, непрочности судьбы обособленного труженика. Произведение его было встречено с громадным интересом, и в 1847 году «Организация труда» выходила уже 7 изданием.

Разберем предисловие этого 7 издания, где автор резюмирует основные идеи произведения.

Луи Блан требует, чтобы «право на жизнь посредством труда было установлено и обеспечено». Он приветствует «творца в его произведении». Отстаиваемая им система, призванная положить конец нищете, «покоится на спиритуализме высшего сорта», «в то время, как, — говорит он, — грубо чувственный класс побуждает его не взывать к материальным интересам».

Луи Блан не желает, чтобы «признаваемое возможным» пролетарское или народное восстание подверглось бы случайности и очутилось бы во власти причудливых капризов массы.

«Весьма ошибаются те, кто полагает, что революции вспыхивают стихийно. Не приводят к выкидыву только те революции, цель которых определена и заранее намечена».

Что касается тех, кто считает его мысли несбыточными, он отвечает: «Уверены ли вы, что сегодняшняя мечта не станет действительностью десять лет спустя?»

Социальная реформа — высшая цель: но необходимо заняться ее подготовкой, «не менее необходимо стремиться к политической реформе». Потому что «если первая является целью, то вторая — средством». Власть, сила, по преимуществу органическая, должна быть захвачена новаторами, деятельность которых без этого была бы бесплодна. «Не взять ее в свои руки в качестве орудия, значит натолкнуться на нее в качестве препятствия». Содействие ее тем более полезно, что освобождение класса наемных тружеников не может быть результатом частных усилий и изолированных попыток. «Для этого требуется вся сила государства». Это последнее должно будет выявить себя в качестве «банкира бедняков», а отнюдь не скупщика промышленности и собственности. Только оно способно освободить неимущих, дать им истинную свободу, которая с избытком дана меньшинству, но в которой отказано прочим: оно одно даст человеку возможность получать образование и развиваться. Если бы не было классов, правительство стало бы ненужным. Но до того социализм, стремящийся к обобществлению всех богатств, может быть оплодотворен только дыханием политики.

Таким образом, тенденции ясно очерчены. Луи Блан является ярким государственным деятелем, требующим с крайней настойчивостью завоевания общественной власти: он лишь смягчает установленное им положение, допустив, что правительство станет ненужным вместе с исчезновением классов.

Его критика социального строя позаимствована у Фурье, но носит более сосредоточенный характер. Решающую роль в современном обществе играют противоречия интересов, столкновения враждебных друг другу сил, конкуренция.

Луи Блан полагает, что конкуренция непосредственно ведет к уничтожению народов, и анализирует вредные ее, результаты.

Прежде всего она толкает производство к неуклонной интенсификации, причем царящий в нем хаос не дает в любой момент разглядеть рынок в целом.: Нет такого, вплоть до производящего в убыток себе, кто не продолжал бы производить, не желая оставить неиспользованной ценность своих машин, орудий, сырья».

Из этого беспорядка, из этого чрезмерного напряжения частной инициативы, разворачивающейся в полном неведении общей суммы человеческих усилий, проистекает перепроизводство с его чудовищными результатами: наличие избытка разрушает весь мир.

Первый результат конкуренции – лишение рабочего работы: как можно ему обеспечить хорошо оплачиваемую или хотя бы постоянную работу, когда ежеминутно общая сумма создаваемых продуктов превосходит спрос со стороны потребителей, и кризисы заставляют производителей накапливать на складах железо, ткани и прочее? Рабочему приходится отстаивать свое место, свое пропитание в силу существования других, ищущих работы, и, следовательно, чтобы жить, он понижает свои требования до уровня самых элементарных потребностей: голодная заработная плата стремится превратиться в нормальную. Таков железный закон, формулированный Лассалем. Пролетарий борется не только с другими пролетариями, количество которых неуклонно растет, но и с машинами, сила которых тоже растет из года в год. При настоящем социальном строе, констатирует Луи Блан подобно многим другим, избыток не находящего себе занятия населения только увеличивает бедствия массы; машинное производство, которое должно было бы использоваться в интересах всех, способствуя сокращению необходимого труда и усилий, становится орудием господства правящей аристократии, осуждая толпу на голодную смерть.

Этих убийственных черт еще мало. В начале современного периода мануфактурного производства мужчине приходилось соперничать только с мужчиной: теперь же женщина и дитя, вынужденные искать занятия на фабрике под страхом голодной смерти, оспаривают у него рынок труда и в силу меньшего размера их потребностей все больше и больше вытесняют с этого рынка мужчину; таким образом, возраст ведет, войну против возраста, пол - против пола, слабый – против сильного, и количество побежденных и умирающих на этом поле битвы беспрестанно растет. Либеральные или ортодоксальные экономисты вечно утверждают, что заработная плата увеличивается; на самом деле заработная плата быстро падает. Луи Блан устанавливает – это было легко – что в период между 1840 и 1847 годами падение носит общий характер. Накануне февральской революции некоторые работники были доведены до 0,57 франков в день.

И, однако, сколь сильно ни было бы разорение, как ни ужасны страдания городского пролетариата, население все-таки стремится в города. Не потому, чтобы оно не знало тех условий, которые станут его участью после переселения, но потому, что капитал, бегущий от земледелия в интересах крупной текстильной, металлургической и прочей промышленности, вынуждает деревенское население следовать по тому же пути. Этому способствует также и расширение железнодорожной сети, связующей с главными городами и столицей наиболее отдаленные деревни и удваивающей силу притяжения крупных центров. Образующийся, таким образом, избыток городского населения, способствует усилению рокового соперничества среди пролетариев. Железные дороги, машины, механические молоты не только не улучшают судьбы человечества, но содействуют лишь росту нищеты.

Подобное общество всегда готово к гражданской войне.

Рабочим не обеспечен даже домашний очаг, потому что семья распадается в результате экономического развития. Разъединенные в процессе труда отец, мать и ребенок почти не встречаются: они возвращаются домой, изнемогая от усталости. Какая связь может существовать между ними?

Грядущие пролетарии познают страдания и ужасы, от которых более или менее уберечь их предки. Чрезмерный труд убивает энергию в нас и еще больше в наших потомках; используя молодежь обоих полов, замыкая ее в порочную атмосферу заводов, лишая ее здоровых физических упражнений, мы губим ее здоровье и жизнь. «Растет поколение жалкое, калеченное, зараженное, гнилое».

Буржуазия основывает свое господство на физическом и моральном вырождении рабочего класса. Пусть же услышит предостерегающий голос: «судьба человека из народа, не умеющего более ни сеять, ни жать, ни охотиться, ни удить рыбу, ни просить милостыню, ни спать на мостовой – стала столь ужасной, что ему приходится убить себя или убить вас».

Буржуазия страдает от этого строя так же, как и пролетариат; конкуренция ее разоряет и часть из нее уничтожает. Антагонизм, обеспечивающий господство капиталистов, становится для них орудием смерти. Они калечат себя собственными руками и земля покрыта их развалинами.

Конкуренция ведет к монополии. Она порождает неустойчивость, неуверенность в каждом часе. Непрерывно происходит экономическая революция: «в этой отвратительной системе повседневной борьбы средняя промышленность пожирает мелкую. Пиррова победа! Потому что она, в свою очередь, пожирается крупной».

Правящий класс неуверен: он идет к неизбежной гибели, так как его точки опоры – мелкая и средняя собственность – находятся со всех сторон под угрозой. Сельские хозяйства, фабрики, магазины уступают место более крупным предприятиям. Буржуазия частично пролетаризируется и этим самым, ослабляет себя.

Луи Блан в своем анализе, на этом не останавливается и кажется, что на каждом шагу на помощь ему приходит Фурье. То он нападает на торговлю, этого «червя, подтачивающего производство», то на организацию кредита, то на систему образования, в котором отказано самому неимущему и самому многочисленному классу. Из всех своих рассуждений Луи Блан делает следующий вывод: никто не заинтересован в поддержке старого строя; надо попытаться произвести революцию, но мирным путем.

Во всяком случае, чтобы установить законность разрушения капиталистической системы, он не ссылается исключительно на экономическое движение. Он является революционером преимущественно из жалости, сентиментальности; его жалость распространяется и на буржуазию, будущее которой омрачено. Он ждет решительной атаки не от одного пролетариата, но от пролетариата в союзе с его хозяевами; он грезит о рыцарском и идеальном союзе рабочих и капиталистов для крестового похода на прошлое. В этом одно из существенных отличий его социализма от социализма марксистов. Перечислив все пороки существующего строя, все зло, тяготеющее на нем и губящее его, он приглашает тех, кто извлекает выгоду из этих пороков и из этого зла, положить им конец, отказавшись от своих привилегий.

Из всего этого видно, что он проповедывал мирное и законное преобразование, отказываясь даже обсуждать возможность ожесточенной и длительной борьбы.

В его глазах завоевание общественной власти отнюдь не отождествляется с диктатурой пролетариата. В Палату войдут несколько депутатов, откроется дискуссия; будет признано необходимым перестроить политико-экономический механизм; образуется временное правительство, призванно ликвидировать прошлое и наметить существенные основы реформ, и особенно провести широкие анкеты. Вот зародыш теории исполнительной власти 1848 года.

Луи Блан посвятил всю пятую главу своего труда плану организации промышленного труда; он рассчитывает на государственную власть, чтобы революционизировать общество, на нее же он возлагает введение нового строя. Первой работой этой власти должно быть — создание Министерства Труда. Здесь даже не ставится вопрос о концентрации всей промышленности и земледелия в распоряжение национального коллектива. Концепция Луи Блана — промежуточная между фурьеризмом и коллективизмом.

Революционное, или так называемое революционное, государство будет распоряжаться только банками, шахтами, железными дорогами, страхованием, некоторыми складами товаров. Что касается всего остального, то собственность на средства производства приспособится к социальной собственности. Государство само учредит мастерские и будет их субсидировать; там будут объединяться усилия рабочих и суммы, которыми они будут располагать. Допущены туда будут и капиталисты, которые станут получать прибыль сообразно своим вкладам. Из чистого

дохода будут вычтены суммы, необходимые на содержание инвалидов, вдов и сирот, общие расходы, амортизацию капитала и т.д. Что касается рабочих, они будут получать вознаграждение согласно формуле распределения, которой Луи Блан никогда не давал окончательного определения: равенство заработной платы, право на полный продукт труда или удовлетворение потребностей. Основанные то там то сям в виде опыта общественные мастерские будут разрастаться, пробивая брешь в частной мастерской и частной промышленности, которую надо не уничтожить, но объединить. После некоторой фазы антагонизма она вынуждена будет капитулировать, и с той поры промышленное производство будет руководиться единым импульсом. Луи Блан, с одной стороны, учреждая государственный банк, а с другой — возлагая на государство обязанность открывать образцовые заводы, ни на одну минуту не допускает, чтоб частный капитал мог бороться против подобной системы.

Он не ограничивается применением такой системы к промышленности; он распространяет ее и на земледелие, еще раз повторяя идеи фурьеристов.

Исследуем шаг за шагом концепцию в целом, вытекавшую из «Организации труда». Отвергая борьбу классов и автономные действия пролетариата, Луи Блан неизбежно должен был прийти к выводам, неразрывно связанным с его именем.

Прежде всего, какова была бы жизнеспособность подобного организма? Усвоенный и проповедуемый им принцип состоит в том, что государственная промышленность непременно, роковым образом, должна разорить конкурирующую частную промышленность. Но Луи Блан имеет в виду не Пролетарское государство, а государство! Промежуточное, буржуазно-пролетарское, и внутри этого государства должна происходить борьба, направляемая руководящей государством властью. Или верх возьмет пролетариат — и тогда он волей-неволей будет вынужден совершить революцию, или победит буржуазия — и тогда она разрушит это промежуточное государство, потому что частная промышленность, которую буржуазия будет представлять в правительстве, не оставит ее в покое, пока не будет восстановлен старый строй.

Эта частная промышленность, которая не будет экспроприрована, сохранит свою боеспособность; она сохранит свою силу в полной мере, так как диктатуры пролетариата не будет, поэтому она и дальше будет располагать для своей защиты, по крайней мере, частью административного и полицейского механизма. Крупные промышленники, как и прежде, будут сосредоточивать в своих руках огромные капиталы и смогут в широких размерах пользоваться большими рынками для своего снабжения, заключать между собой соглашения с целью понижения цен и распределения между собой потребителей. Они будут меньше платить рабочим и, следовательно, успешно бороться против государства.

Если бы государство захотело понизить тариф по перевозкам для своей промышленности, сохранив прежний тариф для частного производства, тогда в результате получился бы внутренний раздор. Это та самая политическая оппозиция внутри правительства, о которой я только что говорил. Если рабочие частных предприятий будут устраивать стачки, добиваясь преимуществ, которыми пользуются рабочие общественных мастерских, то государству придется выбирать между нейтралитетом и репрессиями. Силой вещей, по истечении нескольких дней, ему придется стать революционным или контр-революционным; перед ним все та же альтернатива: или господство буржуазии или господство пролетариата. Рассмотрим все возможные предстатьи случаи: сотрудничество классов должно привести к разрыву — кто им воспользуется? Есть основание опасаться, что долготерпение рабочих принесет им новое и усиленное рабство. После появления в свет «Организации труда» налицо уже несколько опытов, которые навсегда осудили эту идею компромисса.

Луи Блан разработал вздорную систему. Осудив конкуренцию, он хочет ее сохранить; заклеив капитализм, он предоставляет ему роль инициатора революции, призванной его похоронить; он просит палача вернуть жизнь жертве; такое сравнение невольно напрашивается, когда видишь, что предлагают буржуазному государству во имя своего рода "просвещенного деспотизма" разбить оковы, сковывающие пролетарские массы, и уничтожить смысл своего собственного существования.

Итак, положительная часть плана Луи Блана является опасной и губительной, так как она отстраняет пролетариат от революции. Отрицательная или критическая часть заслуживает быть оцененной по достоинству, подобно сен-симонизму и фурьеризму: она рисует причины революции накануне 48 года, еще ярче выявившиеся впоследствии.

«Организация труда» (отрывки)

сентябрь 1840

В современном обществе государственный порядок покоится преимущественно на двух людях; миссия одного фигурировать на парадах, другого — рубить головы. Иерархия консерваторов начинается с короля и кончается палачом.

Когда лионские рабочие восстали, говоря: «Пусть нам: дадут хлеба или нас убьют», — это требование поставило всех в большое затруднение; и так как обеспечить им жизнь казалось слишком трудным, то их убили. Интересно знать, часто ли намерены люди проделывать столь кровавый опыт.

... Кто же действительно заинтересован в поддержании существующего общественного строя? Никто, положительно никто: богатч не больше, чем бедняк; хозяин не больше, чем раб; тиран не больше, чем жертва.

... Докажем: 1) что конкуренция является для народа системой уничтожения; 2) что конкуренция является для буржуазии непрерывно действующей причиной обнищания и разорения.

Отсюда ясно станет, что интересы всех солидарны, и социальная реформа для всех без исключения членов общества является средством спасения.

...Общество, подобное тому, которое я только-что описал, носит в себе постоянный зародыш гражданской войны.

В настоящее время можно найти много мыслителей, только и думающих над организацией труда. «Что нам за дело,— говорят они, — до всех ваших парламентских распрей и мелких ссор из-за портфелей и ваших дворцовых революций? Спуститесь с нами в недра этого разлагающегося общества: вы там увидите другие объекты для страха и надежды. Эти-то пропасти надо измерить. В конце-концов, что собою представляет любое правительство? Силу чисто преходящего свойства. Стоит обновиться обществу, и власть, несоответствующая новой цивилизации, падет сама собой в силу собственной слабости».

Все это чистейшие софизмы! Несомненно, обновленное общество организовало бы новую власть, но разве существование власти столь независимо от существования общества, что можно, не тронув первой, видоизменить последнее? Когда вы найдете средство обеспечить торжество принципу ассоциации и организовать труд, следуя правилам разума, справедливости и человеколюбия, то как надеетесь вы реализовать ваши доктрины? Власть — это организованная сила. Она опирается на слепой, но упрямый в своей слепоте интерес, на страсти, враждебные всяким новшествам. У власти имеются судебные палаты, которые будут вам грозить своими законами, трибуналы, которые будут вас ударять своими приговорами, солдаты, которые будут разить вас своими штыками. Так захватывайте же власть, если не хотите, чтобы она вас угнетала. Превратите ее в свое орудие, чтобы не натолкнуться на нее, как на препятствие.

Больше того: освобождение пролетариата — дело весьма сложное, оно связано со слишком большим количеством реформ; оно нарушает слишком много навыков; оно наталкивается на слишком много предрассудков; оно противоречит не в действительности, но по видимости слишком многим интересам, чтобы не считать безумием веру в возможность освобождения путем частных усилий и изолированных попыток. Для этого требуется вся сила государства — и то еще не слишком много для такого дела. Пролетариям для освобождения не хватает орудий производства: дело правительства их предоставить.

Нет, без реформы политической невозможна и реформа социальная, ибо, если вторая является целью, то первая служит средством.

Но следует ли отсюда, что обсуждение социальных вопросов есть дело праздное, даже опасное и что надо начать завоевания власти, а потом решить, что из этого можно сделать? Это все равно, что сказать: начнем с того, что пустимся в путь, а там уж посмотрим, куда нам идти.

Не приводят к выкидышу только те революции, цель которых определена и заранее намечена.

Никогда не будем терять из виду ни средство ни цель и, далекие от того, чтобы избегать обсуждения социальных теорий, будем к нему обращаться, поскольку это от нас зависит, чтобы не быть застигнутыми врасплох и чтобы оказаться в состоянии управлять силой, когда мы ею овладеем.

Уверены ли вы, что человечество не сумеет извлечь пользы из того, что вы называете мечтой? Уверены ли вы, что мечта сегодняшнего дня не станет действительностью десять лет спустя и что для торжества истины через десять лет не надо мечтать сегодня?

Роберт Оуэн не был практическим реформатором, когда хотел положить в основу распределения продуктов труда человеческие потребности в обществе, где в основе этого распределения не лежит даже размер оказываемых обществу услуг.

Сен-симонисты также не были практическими реформаторами, когда требовали уничтожения семьи и немедленной отмены права на наследство.

Шарль Фурье не был практическим реформатором, когда ставил распределение всех промышленных и земледельческих работ в зависимость от индивидуального каприза и вводил в свою социальную организацию все, за исключением идеи власти.

Но сколько могучих идей в этих произведениях, в особенности в произведениях Фурье...

Как же, по нашему мнению, можно организовать труд?

Правительство должно рассматриваться как верховный регулятор производства, облеченный для выполнения своей задачи всей полнотой власти.

Задача его должна состоять в том, чтобы использовать сущность конкуренции для ее уничтожения.

Правительство должно совершить заем, который пойдет на создание общественных мастерских в наиболее важных отраслях национальной промышленности.

Так как создание их требует значительных средств, то первоначально количество мастерских будет строго ограничено; но в силу лежащего в основе их организационного принципа, они будут обладать силой безгранично расширяться.

Так как правительство рассматривается как единственный учредитель общественных мастерских, то оно и составит их устав.

Работать в общественных мастерских будут призваны все рабочие, в нравственности которых можно быть уверенным, и

капиталисты, чьи капиталы будут объединены для приобретения орудий производства.

Так как ложное и антисоциальное воспитание, в котором вырастает нынешнее поколение, заставляет искать, в личной заинтересованности, побудительных мотивов для повышения производительности, то различие заработной платы будет построено на иерархии функций, при чем совершенно новое воспитание должно видоизменить в этом отношении и идеи и нравы. Нечего и говорить, что заработная плата во всех случаях должна давать рабочему широкую возможность существования.

В первый год по учреждении общественных мастерских иерархия функций регулируется правительством. Совсем иначе в последующие годы. Так как рабочие со временем сами сделают оценку друг друга, и все будут одинаково заинтересованы в успехе ассоциации, то и иерархия впредь будет основываться на избирательном принципе.

Ежегодно будет подсчитываться чистый доход, распределяемой на три части: одна будет распределяться поровну между членами ассоциации; другая предназначаться: во-первых, на содержание старых, больных, увечных, во-вторых, на облегчение кризиса, который мог бы разразиться над другими отраслями промышленности; третья — на предоставление орудий труда тем, кто захочет войти в ассоциацию, благодаря чему последняя сможет бесконечно расширяться.

Каждый член общественной мастерской будет иметь право распоряжаться своей заработной платой по своему усмотрению.

Раз уже общественная мастерская будет построена на таком принципе, то само собой понятно, что из нее выйдет. В каждой основной отрасли промышленности будет общественная мастерская, конкурирующая с частной промышленностью. Долго ли будет длиться борьба? Нет, потому что общественная мастерская будет иметь перед любой частной промышленной мастерской то преимущество, которое есть результат общинного начала.

Из солидарности всех рабочих в одной мастерской мы можем сделать заключение о солидарности всех мастерских в одной отрасли промышленности. Для завершения системы необходима еще солидарность различных отраслей промышленности: вот почему из общей суммы получаемой каждой индустрией прибыли мы удерживаем некоторую сумму, дабы государство могло притти на помощь всякой отрасли промышленности, которую независимые чрезвычайные обстоятельства поставили бы в затруднительное положение.

Резюмируем сказанное. Надо попытаться произвести социальную революцию:

Потому что нынешний социальный строй черезчур полон неравенства, нищеты, безобразия, чтобы он мог долго существовать.

Потому что нет никого, кто бы не был заинтересован, — независимо от положения, ранга, состояния — в торжестве нового социального строя.

3) Наконец, потому, что эту столь необходимую революцию можно и даже легко произвести мирным путем.

«Социализм: право на труд»

Ответ Тьеру

1849

Задолго до февральской революции глубокий недуг подтачивал французское общество и требовал коренных социальных реформ... Область промышленности стала замкнутым лагерем; конкуренция достигала колоссальных размеров; производство развивалось в темную, лихорадочно, напряженно, наугад; представители торговли были обречены на жизнь без уверенности в завтрашнем дне, они бешено ставили все на карту и второпях, задыхаясь, гнались за прибылью в промежутке между вчерашним поражением и завтрашним банкротством; противоречивые интересы вооружили одного против другого, и посреди этой сумятицы поденщики бежали на дешевую распродажу своего труда густой толпой, все более и более голодной и ропщущей; вот что сделал принцип индивидуализма из общества, где жажда прибыли, грубо считалась гением делового развития.

Господин Тьер перечисляет различные социалистические системы, существовавшие по сей день, без того, чтобы хоть немного поглубже их разобрать.

Предоставим тем, чьи идеи подвергаются нападкам, мстить Тьеру за себя. Мы ограничимся защитой наших собственных идей, воспроизведя их так, как мы это сделали в Люксембурге.

Вот наш план: предпринимателям, которые окажутся ныне в убийственных для них условиях и явятся в нам, говоря: «пусть государство берет наши учреждения и становится на место нас», мы ответим: государство согласно. Вы будете широко вознаграждены, но это следуемое вам вознаграждение не может быть взято из нынешних источников, — их бы не хватило; оно будет почерпнуто из источников будущего: государство выдаст вам облигации, на которые, сообразно стоимости уступленных вами учреждений, будут нарастать проценты, выплачиваемые ежегодно или постепенна амортизируемые.

После того, как дело с владельцами фабрик будет урегулировано, государство скажет рабочим: с этой поры вы будете работать на фабриках, как братья внутри ассоциации. Для установления заработной платы надо будет избрать одну из двух систем; но какая бы из них не взяла верх, урегулировав этот вопрос, мы подойдем к вопросу об использовании доходов от общего труда.

За вычетом заработной платы, процента, уплачиваемого» капиталу, расходов по содержанию и приобретению материалов, доход будет распределяться следующим образом:

Одна четверть на амортизацию капитала, принадлежавшего владельцу, с которым государство заключило договор; одна четверть на установление фонда помощи, предназначенного для стариков, больных, раненых и т.д.

Одна четверть распределяется среди рабочих в качестве получаемой ими прибыли.

Одна четверть, наконец, идет на образование резервного фонда.

Так может быть построена ассоциация в мастерской.

Остается распространить ассоциацию на все мастерские одной и той же индустрии, спаяв их взаимной солидарностью.

Для этого достаточно двух условий:

Прежде всего будет установлен размер дохода; с учетом положения, наличного в промышленном мире, будет установлена Цифра законной прибыли, дабы прийти, к единообразным ценам и препятствовать конкуренции среди мастерских одной и той же отрасли промышленности.

Затем во всех мастерских одной и той же индустрии будет установлена заработная плата — не равная, но пропорциональная, так как и материальные условия жизни не одинаковы во всех местностях Франции.

После того, как солидарность будет таким образом установлена между всеми мастерскими одной и той же индустрии, надо будет осуществить главное условие порядка, то, что сделает навсегда невозможным ненависть, войну, революцию; надо будет установить единение между различными отраслями промышленности, между всеми членами общества.

Для этого необходимы два условия:

Подвести общий итог доходам, получаемым в каждой отрасли, и поделить эту сумму между всеми рабочими.

Затем из различных резервных фондов надо учредить фонд взаимопомощи для всех индустрии, дабы та, которой в данном году придется переживать кризис, получала поддержку от той, которая будет находиться в состоянии процветания. Таким образом, будет образован крупный капитал, не принадлежащий никому в отдельности, но всему коллективу.

Распределение этого общественного капитала будет поручено административному совету, поставленному надо всеми мастерскими. В его руках сосредоточится управление всей промышленностью, подобно тому, как в руках инженера, назначенного государством, будет находиться управление каждой отдельной отраслью промышленности.

Государство придет к реализации этого плана путем целого ряда последовательных мер. Элемент принуждения будет отсутствовать. Государство будет служить примером; рядом будут существовать частные ассоциации, современная экономическая система, но эластичность нашей системы такова, что в короткий промежуток времени, — мы в этом глубоко уверены, — она охватит все общество,

привлекая в свои недра другие социальные системы в силу своего неотразимого могущества.

У. Франсуа Видаль

Франсуа Видаль — немножко забытый — заслуживает внимания на ряду с Луи Кланом, общие воззрения которого он разделял во многих пунктах.

Мы уже обрисовали его биографию, указали на политическую роль, которую он играл в 1848 году. Теперь обратимся к его печатному произведению — «Трактату о распределении богатств», вышедшему в свет за два года до февральской, революции.

По своей основной концепции Видаль принадлежит своему времени. В его произведениях мы найдем те же элементы, которые преобладали у большинства социалистических писателей эпохи июльской монархии.

Он стоит на противоположной материализму точке зрения и уделяет наименьшее место в эволюции фактам экономическим. Как раз наоборот, идеям он приписывает влияние, силу бродила, не имеющую себе равной. Он деист, хотя и не выказывает мистицизма, бывшего в то время общим правилом, но отводит провидению действительную волевою роль и, подобно Фурье, старается предугадать его пути.

В диалектике Видаля нет ничего оригинального также и для того, кто знаком с эпохой. В ней преобладают три характерных черты: 1) человек рожден для счастья; 2) социальная наука, которая является наукою счастья, распадается на три части: социальная философия, посвященная моральным потребностям; социальная экономия, исходящая из материальных потребностей, и политика. Но эти три части далеко не независимы друг от друга. Пользу, говорит Видаль, нельзя отделить от блага и права. «Экономия — это наука, которая учит, как организовать промышленность и как распределить богатства согласно принципам общей пользы и справедливого распределения».

Что касается относительной важности вопросов политических и чисто социальных, то Видаль в этом отношении держится той же точки зрения, что и все его современники: «доброе время конституционной схоластики безвозвратно прошло. Довольно уже спорили о равновесии трех властей, о сущности представительного режима. Пора отбросить немного в сторону эти вопросы, чтобы перейти открыто! к обсуждению настоящих вопросов, — вопросов экономических и социальных».

Но эти проблемы — для Видаля — сводятся к двум: организации труда и распределению богатств. В отличие от Пруд он лишь весьма косвенно задевает проблему собственности. Видаль ставит друг против друга две школы: экономистов, описывающих факты, не спрашивая, где справедливость; социалистов, рисующих себе идеал, но пренебрегающих изучением существующего распределения. Однако в процессе выработки своей системы он приближается к последним и заявляет о своем к ним сочувствии.

Видаль констатирует, что нищета трудящегося класса увеличивается пропорционально растущему на другом полюсе богатству, почти приходит

к формуле Генри Джорджа и прибавляет: «для человека, существование которого не обеспечено, который не уверен, что он сможет постоянно зарабатывать своим трудом столько, чтобы удовлетворять свои жизненные потребности, не может быть ни достоинства, ни морали, ни независимости». Он настаивает на этом, бичуя конкуренцию, хаос и выводя из отсутствия истинной свободы необходимость организации. Он порицает индивидуалистическую свободу и восторженно отзывается о принудительном вмешательстве, которое, до его мнению, может происходить лишь в пользу слабых. Исходя из этого, он требует установления истинной солидарности, уничтожения наемного труда, всеобщей ассоциации и приглашает экономию изменить путь.

Видаль уделяет много места экономистам, идеи которых он тщательно анализирует. Печь идет о тех экономистах, которые, чванясь своей ортодоксальностью, претендуют на исключительное присвоение себе всей политической экономии.

Видаль анализирует школу физиократов с Кэнэ во главе, затем либеральную школу в двух ветвях, описательную и фаталистическую, затем эклектическую, которая повсюду избегает новшеств, затем христианскую. Всех их он судит более или менее строго. Особенно нападает он на учеников Адама Смита и среди них на Ж.-Б.Сэя. Против всех этих, поддерживающих капиталистическое общество, он пускает в ход их собственное оружие. Ж.-Б.Сэй, например, сам показал недостатки наемного труда и пороки конкуренции.

Опираясь на тех же писателей, Видаль разбивает софизмы ренты, рисуя дуть развития ее от времен варварства до наших дней. Так как она вычитается, как бы ее ни называть, из продукта труда, она мешает тому, чтобы заработная плата была равна продукту труда, и растет вместе с богатством. Используя положения Адама Смита, Видаль устанавливает еще, что капиталист, эксплуатируя рабочего, живет за счет последнего. Наконец, он напоминает, что Мальтус был прав, когда бил тревогу, видя, как мир скользит по наклонной плоскости пауперизма. Только этот писатель-консерватор не находил других способов борьбы со злом, кроме лекарств, соответствующих его узости мышления: моральное принуждение для одних и роскошь для других. В общем и целом анализируемый нами автор высказывается против капиталистического строя и предъявляет к нему обвинение, подобно многим другим.

Картина объединения, нарисованная им и относящаяся к 1845 году, является полной и правильной. Пауперизм, как результат наемного труда, стал нормальным состоянием; в период существования цехов он был менее тягостен и не так распространен.

Со многих точек зрения наемный рабочий, по мнению Видаля, может позавидовать былому рабу, потому что этот последний, приравняемый к скотине, все же пользовался некоторой обеспеченностью. Абстрактная свобода, признаваемая за первым, не больше, чем дым... Наемный труд — это все та же рабская зависимость и унижение, но без присущей рабу обеспеченности.

Теперь о социальных последствиях растущего применения машин. Предмет этот, в силу многих причин, сильно занимал то поколение. Видаль здесь сходится с Прудоном. «Применение механики, — с восторгом восклицают поборники мануфактуризма, — освободило капитал от чрезмерных требований труда». «Применение механики, — с грустью говорят филантропы, — отдало труженика во власть промышленного предпринимателя». Две концепции взаимно дополняют друг друга. Труд делается привилегией для одних, кто не знает безработицы, карой для других, но даже и привилегированные идут навстречу физическому вырождению. «Человеческая раса скудеет и вырождается, в то время как люди заботятся об усовершенствовании лошадиной, коровьей и овечьей породы, затрачивая на это большие средства».

Если машина, говоря физиологически и социологически, отбросила на более низкую ступень рабочий класс, она дезорганизовала экономику, нарушив равновесие между производством и потреблением, и в конечном счете она приводит к безграничному производству, развивающемуся наугад. Отсюда периодические кризисы, которые угашают деятельность; отсюда и все изобретаемые против них палиативы, в конечном счете лишь усиливающие всеобщее бедствие. Из общей суммы фактов вытекает заключение, что нищета есть неизбежный результат нашего состояния цивилизации.

Видадь спрашивает у экономистов, какие средства, могут они предложить. Он в них не находит ничего, кроме безразличия, жесткости, интеллектуального бессилия.

Тогда он обращается к социалистам. Но что он имеет этим в виду? Стараясь, подобно Луи Блану, сделать свой социализм привлекательнее, лишить его всех черт, могущих мешать быстрому достижению власти, он различает: «государственных мужей, которые полагаются целиком на умственный прогресс, и горячие, великодушные, но нетерпеливо жаждущие революции умы, готовые навязать свои идеи путем насилия».

Он боится насилия, но не боится смелых выводов в области диалектики. Делая обзор публицистам этого- времени, он не скрывает своих симпатий тем, кто зовется коммунистами.

Какого мнения он о Сен-Симоне? Заслуга учителя и его учеников в том, что они реабилитировали порядок, иерархию, авторитет и изобличили экономическую анархию, конкуренцию и беспорядок. Но вина их в том, что, построив живой закон, облачив полнотой власти папу, они попрали ногами демократию и реставрировали деспотизм. Предоставив этому живому закону право судить о способностях и понесенных трудах, они положили произвол в основу всякого распределения.

Вот Фурье. Он уважал свободу, был противником тирании, его описание устройства коммунальных жилищ не лишено достоинств, а Видадь по природе своей фурьерист и не может отречься от самого себя, но и здесь формула распределения недостаточно развита.

А вот коммунисты. С точки зрения нашего автора, они грешат против действительности и носятся в области чистой идеи, но утопия может стать действительностью завтра, а это завтра, невидимому, не так уж

далеко. Равноправие, лежащее в основе этого коммунизма, соблазняет Видаля. Он сравнивает основанное на этом принципе общество с семейством, сидящим за общим столом, где каждый ест то, что ему нравится, в то же время заботясь о том, чтобы досталось достаточно пищи соседям. Несомненно, подобная система для всеобщего распространения предполагает тождество воспитания и обилие продуктов; но их легко получить, так как благодаря успехам машинного производства два часа труда дадут вдвое и втрое больше полезных продуктов.

Могут сказать, что не всякая работа одинаково привлекательна и что граждане не будут чувствовать призвания к работам неприятного свойства, но работа эта или будет выполняться машинами или же будет установлена специальная повинность наподобие воинской (войско того времени). Видадь восстает против нападков, которые сыплются со стороны противников коммунизма и которые он считает клеветой. Так, например, говорят, будто коммунизм уничтожает свободу личности. Наоборот, он допускает все мыслимые свободы, за исключением свободы не трудиться, и все свободы могли бы быть нарушены лишь в том случае, если бы члены общества от них добровольно отказались.

Коммунизму бросают упрек в том, что он стремится к уничтожению семьи и социализации женщин (таково одно из банальных утверждений буржуазных писателей). Нет ничего более бессмысленного: женщины не являются — или, вернее, в новом обществе они не будут являться вещью — они впервые действительно будут принадлежать самим себе.

Наконец, говорят, что коммунисты хотят все перевернуть вверх дном, но они совершенно правы, не желая защищать современный мир, где нет ничего хорошего.

«Те, кто тысячу лет спустя будет читать наши судебные кодексы, наш законодательный бюллетень, кто ознакомится с миллионом постановлений, приговоров, злодеяний и преступлений, вызванных существованием частной собственности, столкновением интересов, те с удивлением спросят себя, как; могло существовать подобное общество. Но еще более будут дивиться они, узнав, что ассоциация — эта столь простая, столь естественная, столь осуществимая вещь, — рассматривалась великими умами XIX столетия как химера, как безумие».

Конечно, это далеко от языка марксистов, но так рассуждали сентиментальные оптимисты того времени.

В общем, Видадь примыкает к коммунизму не потому, что он появляется в результате экономического развития — Видадь не материалист — но потому, что он проповедует идею братства. С точки зрения Видаля, коммунизм возвращается к первобытному христианству своим соответствием слову Божию. Это почти коммунизм божественного права. Примирение науки, — несколько расплывчатой, и религии, — не содержащей определенной теологии и довольно сговорчивой, происходит у нашего автора как и у Сен-Симона или у Фурье. Догма и разум уживаются без скандала бок о бок, друг с другом, но пробуждение должно было быть жестоким для разума.

В ожидании наступления царства безраздельного коммунизма Видаль довольствуется переходной формой, предлагаемой доктриной Фурье. В сущности говоря, он не слишком торопится, он по натуре весьма терпим; он боится революции, которую он считает пережитком в период между июлем, с одной стороны, и февралем и июнем – с другой. Бабеф, живший на полстолетие раньше, питал меньше иллюзий; он предвидел дополнительный переворот, призванный завершить – по новому плану – дело 89 и 93 годов. Но социализм 48 года был мягче социализма «Равных». Одно из обычных противоречий истории: июньская гражданская война имела исходным пунктом эту пропаганду, на помощь которой, правда, пришло стечение обстоятельств. Не возлагая никаких надежд на народное восстание, Видаль целиком возлагает их на государственную власть, призванную ввести в определенное русло идейные течения и организовать на основе определенного метода труд. В некоторые моменты, несомненно, он теряет терпение и упрекает государство в том, что оно подпало под влияние купцов, но его оптимизм берет верх. В общем он делается все менее и менее требовательным. От коммунизма он вернулся к фурьеризму: в конце-концов, постепенно отступая, он доходит и до менее радикальных выводов, которые выдает за весьма достояние для данного момента паллиативы.

Теперь мы подходим к практической программе, к плану ближайших реформ, выдвигаемому в этот период большинством авторов-социалистов и сочувствующих социализму. План этот так или иначе был положен в основу обсуждения Люксембургской комиссии для рабочих: он же составлял главную сущность для доклада, который Видаль поместил в «Журнал Офисиель».

Если нельзя одним взмахом уничтожить причины пауперизма, то похвально парализовать его последствия. Видаль проектирует оказывать помощь инвалидам; предавать суду трудоспособных, отказывающихся работать, безработных же» размещать по непрерывно работающим общественным мастерским, которые вовсе не будут конкурировать с другими мастерскими. В действительности это будут земледельческие колонии, основанные на принципе ассоциации. Учреждение это, будучи созданным, станет неуклонно расти при помощи заемных капиталов, на которые будет начисляться прибыль и т.д. Это кооперация, субсидируемая государством; в общем и целом Видаль держится более отсталых взглядов, чем Луи Блан.

Начав с резкого осуждения капиталистического строя, он застрял в мелких реформах и фактически отказался от социализма. Такова и вся история 1848 года.

«О распределении богатств» (отрывки)

Если с теоретической точки зрения интересно ознакомиться с различными теориями и сопоставить их друг с другом, то с практической точки зрения, главное, но определить, какая из этих утопий заслуживает предпочтения, но посмотреть: 1) нельзя ли уже теперь приступить к распределению богатств на началах

справедливости; 2) какие реформы можно провести в жизнь немедленно?

Если читатель внимательно вчитывался в те, что мы писали, он заранее поймет, что вопрос в такой постановке неразрешим иным путем, как путем приятия принципов новой экономики и вступления на путь ассоциации и организации.

...Наш строй производства – подгнившее здание, давно уже грозящее рухнуть. О! те, кто жаждет сохранить его во что бы то ни стало, правы, боясь до него дотронуться из страха, что он в тот же момент рухнет. Но разумно ли ютиться в разваливающемся строении, шатающемся при малейшем порыве ветра и могущем рухнуть при первом урагане? И тем не менее люди настойчиво, хотят поддерживать эту постройку. Они совершенно не хотят и слышать о новой. Рента, прибыль, наемный труд, противоречие интересов, конкуренция, анархия производства – таковы основы, опоры и своды нашей старой экономической системы: стоит до нее дотронуться и все рухнет. Итак, уж сегодня нет возможности произвести солидный ремонт; если и. может итти речь, так только о том, чтобы поставить подпорки извне, на время замазать глиною зияющие трещины. Но надлежит твердо помнить, что, невзирая на эти подпорки и заплаты, здание простоит недолго.

...Ясно обличать пороки нашего социального строя, просвещать умы, переубедить даже самых упрямых консерваторов, заниматься критикой, и критикой беспрестанной, – вот что нужно в первую очередь. Делать в наши дни. Мы слышали уже много критики; но все же недостаточно. Критика станет бесполезной лишь тогда, когда во все умы проникнет сознание непригодности современного строя, когда серьезно усвоят принцип организации нового, твердо решат перейти к делу.

...Главный вопрос ныне в том, чтобы определить, как можно частично нейтрализовать горькие плоды нашего экономического строя; задуматься над положительными сторонами, которые можно было бы провести в жизнь в 1846 году, при наших законах, нравах, предрассудках, принципа ассоциации и организации, как паллиатива, облегчающего нищету, улучшающего участь тысяч нам подобных, которые не могут терпеливо ждать будущего и питаться иллюзиями, но требуют, чтобы им дали возможность жить своим трудом, улучшить положение тех, кто, может производить значительно больше, чем нужно для удовлетворения своих собственных потребностей, если бы только умели использовать их руки, если бы только пожелали дать им в качестве ссуды первые авансы и необходимые орудия.

Во всех пунктах государства, в любом департаменте необходимо организовать мастерские, где каждый, обладающий доброй волей трудиться, сможет заработать себе на жизнь, работая, где можно будет использовать рабочую силу любого труженика, вытесненного машиной, – такие мастерские, которые бы не конкурировали с ныне

существующими, потому что иначе, облегчая нищету с одной стороны, мы ее создавали бы с другой.

Необходимо создали» такие постоянно работающие мастерские, которые будут прибежищем от безработицы и мертвого сезона, которым не будет грозить ни торговый, ни промышленный, ни политический кризис; мастерские, где введение усовершенствованных машин будет идти на пользу рабочим, а не наносить им ущерб; мастерские, продукты которых будут в подавляющей части потребляться самими производителями; мастерские, где можно будет установить устойчивое равновесие между производством и потребительским спросом; мастерские, куда может притекать излишек городского населения; мастерские, где рабочий будет черпать свое благосостояние, независимость и уверенность в завтрашнем дне, которые будут давать ему постоянное занятие, надлежащим образом оплачивать и обеспечивать его труд и где он не будет жертвой превратностей наемного труда.

Одним словом, речь идет о том, чтобы создать мастерские или, если хотите, земледельческие колонии, организовать труд в этих колониях и создать ассоциацию рабочих.

Земледельческие колонии это, конечно, наилучшее средство облегчения нищеты. Дать беднякам возможность трудиться, т.е. средство зарабатывать себе на жизнь, — лучше, чем кормить их из милости; это и легче и экономнее. Надлежащим образом организованные колонии могли бы превратиться в нового типа мастерские и естественно подготовить переход от нынешнего строя к новому. Этот постепенный мирный переход общества, которому грозит взрыв, послужит спасательной отдушиной и придаст колонии истинный характер общественной полезности.

Целью нашей книги было привлечь внимание серьезных людей к величайшему вопросу нашего времени. Мы хотели доказать, что с точки зрения политической экономии пауперизм есть неизбежное следствие нашего социального строя; мы хотели дать научный анализ этого разрушительного явления, доказать, что теория в этом пункте; целиком сходится с практикой.

Книга эта естественно приводит к выводу, о необходимости самого быстрого преобразования нашего промышленного строя. Можно, конечно, держаться различного мнения по поводу необходимых реформ; но невольно приходится признать, что абсолютно необходимо что-то сделать.

...Будем осторожны! Античная цивилизация погибла благодаря рабству. Современная цивилизация, если ее предоставить самой себе, пожалуй, тоже погибнет благодаря пауперизму и кончит насильственной смертью.

Ах! давно уже пора заняться реформами... Завтра, быть-может, будет уже слишком поздно. Революционное брожение происходит в нашем обществе, и мы знаем, что па этот раз дело идет о революции социальной, а не только чисто политической. В наши дни все классы

страдают более или менее. Все стремятся подняться, улучшить условия своей жизни, приобщиться к благосостоянию, завоевать права общественные и в то же время права политические, являющиеся орудием и действительной гарантией свободы. Рабочие развиваются умственно, научаются отстаивать свои интересы словом и пером.

На ряду с пролетариями промышленного труда, число которых растет с каждым днем, имеются пролетарии труда умственного, которых тысячами выбрасывают ежегодно наши учебные заведения и которые пополняют толпу деклассированных. Эти интеллигентные пролетарии по природе призваны стать вождями, руководителями недовольных. Кому не на что надеяться, тому нечего бояться. Кому не удастся жить, работая, тот думает о том, чтобы умереть с оружием в руках, тот несет непримиримую ненависть к обществу...

Революция в наше время была бы ужасной, чудовищной; она бы повлекла за собой жертвы, разгром, развалины, не организовав нового строя. Полезные, плодотворные революции это те, которые реально воплощают в жизнь прогресс, уже происшедший в идеях, которые разрушают, чтобы создавать, и приходят вовремя. Но сегодня, когда большинство умеет лишь критиковать,—какие принципы осуществила бы революция? Новые, едва возникающие идеи еще не созрели, умы недостаточно приобщились к идее социального преобразования.

...Проблемы, которые надлежит разрешить сегодня, относятся к области науки. Надо действовать через посредство идей, обращаясь к людскому уму, а не через посредство слепой силы, взывая к страстям. Надо просвещать народ и высшие классы в одно и то же время, действовать и на разум и на чувство, пуская в ход убеждение, а не насилие. Когда умы будут достаточно подготовлены, то создастся широкое национальное мнение, которое сумеет восторжествовать

над всеми препятствиями. Власть волей-неволей возьмет на себя инициативу реформ, а если она откажется это сделать, тогда придет момент прибегнуть к силе, чтобы обеспечить торжество разуму, и революция сможет легко осуществить желанные реформы...

VI. П е к е р

Покер, которому тоже уделяли мало внимания среди представителей утопического социализма, заслуживает изучения. Нельзя целиком пренебрегать начертанным им планом будущего общества. В конце-концов, хотя бы во избежание некоторых ошибок бесполезно перечитывать людей этого поколения.

Пекер близок к Луи Блану и Видалю: 1) своим взглядом на роль государства; 2) своей верой в примирение и сотрудничество классов. Другая идея — деизм, желание истолковать пути провидения, сближает его с массой социалистов того времени.

Если он и придает экономическим факторам определенное значение, то отнюдь не допускает, что им одним определяется общественный строй. Духовный, моральный элемент имеет в его глазах решающее значение в жизни народа, и он рассматривает эти элементы, как самодовлеющие факторы без связи с той средой, где они эволюционируют. В нем нет, значит, и следа понимания исторического материализма.

Он приходит к коллективизму, к формуле, которую до сих пор еще никто не излагал.

Если «Равные» с Гракхом Бабефом во главе одним прыжком поднимаются до абсолютного коммунизма, если сен-симонизм, вырывая с корнем идею наследования, эволюционирует в направлении той же системы, то фурьеризм, наоборот, не знает коллективизма, на место которого он ставит ассоциацию. Луи Блан и Видаль держатся за субсидируемую кооперацию, Пекер предлагает возврат обществу капиталов, сведение всего труда к единой функции, частично принимает идею наследования и проповедует равную оплату.

«Трактат о материальных улучшениях» и «Новая теория социальной экономии» — представляют собой два этапа его мысли. В первом из них он обсуждает одну сторону общественной проблемы, способ применения науки для блага человечества; во втором — перечисляет принципы построения

цивилизованного общества, которое должно уничтожить нищету и организовать труд, избавив мир от ужасной растраты энергии, — растраты, которая стала общим правилом. Новая экономия вытекает из «Трактата о материальных улучшениях», но идет дальше его.

С первых шагов Пекер заявляет о своей верности христианскому учению с одной стороны, Руссо и революционерам XIX столетия — с другой. Он подвергает критике Сен-Симона за то, что тот посягал на народное право, Фурье за то, что он проповедывал анархию и даже английский реформатора — самого Оуэна.

«Чтобы ориентироваться в будущем, — говорит он, — обратимся к богу». Это очень далеко от Коммунистического Манифеста. Божество для него регулирует права и обязанности, последние состоят лишь в том, чтобы выполнять божью волю. Эту волю необходимо познать, потому что «экономика; общества имеет в основе своей моральные, и религиозные представления, исповедуемые ее членами в целом». Это положение, тогда никого не удивлявшее, противоречит всем нашим понятиям, но ведь в промежутке времени успел вырасти марксизм.

Пекер перечисляет три крупные проблемы: свобода, авторитет, политическая реформа; третья не играет такой решающей роли, как две первые.

Без собственности нет свободы: так как эта первая: является привилегией незначительного количества людей, то большинство лишено свободы. Социальное зло коренится в накоплении капиталов, земель, машин и т.д.; отсюда необходимость новой теории собственности.

Ныне средства производства не принадлежат большинству людей и те, кто их не имеет, должны идти в услужение в тем, в чьих руках они находятся. Неимущие, таким образом, порабощенные, теряют естественное равенство. Пекер отмечает — его религиозное мышление сквозит на каждом шагу, — что предписания христианства нарушаются и нравственность, поддельна. Труженики оказываются в нищете, а бездельники пресыщены золотом. Но Пекер не довольствуется этим: первым констатированием факта, ставшего общим достоянием. Он осуждает частную собственность с трех точек зрения: с точки зрения религии, так как все принадлежит богу; с точки зрения нравственности, так как только человечество в праве распоряжаться землей и ее плодами; с точки зрения общества, так как все имеют равное право быть собственниками: итак, не должно быть границ, не должно быть препятствий. Так как невозможно, чтобы все люди были собственниками, то в этом должно быть отказано всем. Единственно все общество может быть собственником, а если принять это положение, то существующий общественный строй сразу окажется низвергнутым.

Современная форма собственности не вытекает из природы ее, но является законной фикцией. А, следовательно, ничто не мешает тому, чтобы механизм присвоения уступил место другому, обеспечивающему свободу для всех.

В лоне истинной демократии есть место и государственной власти. Она — оплот свободы, и даже Фурье не исключал ее абсолютно, или, по крайней мере, он устранял ее лишь внешне. Между свободой и властью возможно и даже необходимо примирение и, лишь опираясь на оба эти принципа, можно достичь такого строя, где бы царил равенство и терпимость. Таков абстрактный вывод Пекера, но он этим не довольствуется и, идя дальше, углубляет свой анализ социальной структуры.

Написанное им по этому поводу является настоящим обвинительным актом, который мы проследим последовательно. В «Трактате о материальных улучшениях» указывается, что улучшения эти являются условием прогресса. Распределение богатств таково, что, отнюдь не служа общественному благу, они лишь усиливают неравенство.

Проводят ли канал или прокладывают дорогу, общество в целом не выигрывает от этого роста средств: оно целиком используется теми, в чьих руках капиталы, и дает им в руки новое орудие деспотизма. Англия — страна, где материальный прогресс продвигался наиболее успешно, в то же время является страной наибольшего выявления противоречий. Колоссальному богатству одних соответствует чудовищная нищета других. Отношения между хозяевами и рабочими, которые могли бы стать дружественными, благодаря увеличению количества производимых продуктов, на самом деле обостряются до крайности.

Это странное, противоречащее разуму, постыдное для вашего века явление, объясняется безудержной конкуренцией. Происходит борьба эгоизмов, а между тем этого конфликта никогда бы не возникло, если бы под категорию свободы не подводили два противоречивые понятия.

«Свобода действия XIX века это то же, чем была военная свобода действия синьоров VIII и IX веков: это своего рода прелюдия нового феодализма. Это агония равенства, свободы, всех принципов, всех обетов революции 1789 года».

Так как закон признает за человеком право злоупотреблять капиталом, то каждый руководится исключительно своим капризом. Анархия есть следствие частной собственности на средства производства, произвола в области фабрикации и обмена, взимания процентов, принципа наследования. Анархия есть результат свободы действия, монополии

и ростовщичества, как бессилие есть результат дробления. В этом мире, где нет равновесия, банкротство, кризисы, безработица непрерывно следуют друг за другом.

Итак, надо преобразовать общество. Но это преобразование, согласно Пекеру, не должно быть ни делом насилия, ни результатом усилия со стороны угнетаемых. Разве буржуазия может хотеть, чтобы строй был опрокинут натиском неимущих? Конечно, нет, так пусть выполнит свой долг. «Оставлять массы в нищете, значит увековечить возмущение».

Правда, — в этом сознается и Пекер, — прошлое дает нам мало примеров общественного самопожертвования. Класс, который добился для себя преимуществ, забывает о перенесенных им страданиях и освобождает себя от необходимости освободить тех, против кого направлены его привилегии; едва освободив сам себя, он вступает в антагонизм с другими категориями граждан. Он не понимает, что окостенеть является абсурдом и что для каждого пробьет его час.

Буржуазия, сама борющаяся за избирательное право, отказывает в нем пролетариям. Она не избегнет своей логической участи.

Вообще говоря, вместо того, чтобы противостоять прогрессу, буржуазия должна была бы взять в свои руки инициативу. Она должна была бы произвести давление на грядущих вождей, свидетельствуя свое желание служить коллективу и распространить на него все материальные улучшения.

Пекер различает решения переходного характера и решения окончательные. Правительство, на которое он вполне надеется, должно увеличивать материальные улучшения и предпринимать крупные общественные работы. В то же самое время оно должно давать всем профессиональное образование. А затем, когда такое воспитание станет достоянием массы, оно должно ссужать ей необходимые кредиты. Капиталисты и рабочие заключат союз, чтобы основать новую форму промышленности. Это будет первая фаза социального обновления;

Но Пекер идет и дальше. Ни регламентация рабочего дня, ни законодательное регулирование заработной платы, ни объявление права на труд по существу не разрешают социальной проблемы: это очень не мешало тогда подчеркивать, и это заслуга Пекера, так как в период 1840 года лозунг права на труд опьянял массы.

Автор, наш видел, что сами по себе эти мероприятия ничего или почти ничего не дают, что надо перейти тотчас же к преобразованию собственности. Он пошел в направлении коллективизма.

«Нация должна иметь только одного капиталиста — государство, народ, в лице своих представителей; земля и все производные орудия труда принадлежат всем и не принадлежат никому. Они должны находиться в их распоряжении и использоваться под верховным управлением представительной власти».

Есть два способа сделать собственность общей: или указать каждому его участок земли или объединить все в руках коллектива.

Пекер устраняет первую возможность. Пытаться сделать частную собственность универсальной — безумие. У каждого в руках оказался бы клочок земли.

Вторая система это та, которую рисуют «Равные» и к которой приближается и Фурье; Пекер заявляет, что он идет дальше.

Цель его не только обеспечить свободу пролетариям, но и положить конец расточению сил. Нужен командующий центр. «Самая плодотворная идея, которую только может проповедывать социальная наука, это идея центральной администрации, необходимого и абсолютного, законно возглавляющего посредника между производителем и потребителем, учреждения, ведущие производством и распределением богатств». Таковы основные принципы организации.

В таком обществе каждый гражданин имеет право требовать себе орудия и занятия.

Может возникнуть между гражданами соперничество из-за некоторых функций, но право наследования и назначения сверху должны быть равно исключены. Надо комбинировать конкурс с выборной системой, и так как с момента рождения этого нового строя мы будем все равны и все дети будут получать равное воспитание, то подбор будет происходить безболезненно. Притом, избранные могут быть всегда отозваны.

Как общее правило, члены коллектива будут получать равную плату за труд. Пекер восстает против такого разрешения вопроса, которое открывает возможность безграничного роста потребностей: подобная концепция в конечном счете привела бы к обильному вознаграждению тех, кто стоит во главе, и к нищенской оплате прочих. Могут возразить, что мы заинтересованы в оказании покровительства таланту, гению, но разве для этих последних не будет достаточной наградой уважение? Как и его предшественники, Пекер, кроме того, предлагает употреблять часть дохода на поддержку старости.

Первое различие между коллективизмом и коммунизмом таково: оплата труда построена на разной основе. Есть и другое отличие: коммунисты не допускают никакой частной собственности; коллективисты же предоставляют каждому использовать до собственному усмотрению причитающийся ему продукт о той лишь оговоркой, чтобы он не был превращен в орудие производства и товар. Вот каковы в беглых

схематических чертах идеи Пекера. Они могут быть пополнены еще некоторыми уточняющими соображениями.

Автор ожидает, что возрождение мира путем коллективизма даст колоссальный толчок энергии. Так как вся его система построена на критике тех результатов, к которым привело употребление машин, ставших предметом частной собственности, он не может отказать себе в удовольствии нарисовать последствия открытий, производимых в иначе построенном обществе. Наука в Нем будет использоваться для удвоения производительности человеческого труда на благо всем. Государства, вместо того, чтобы конкурировать друг с другом, распределяют между собой обязанности: каждый народ будет заниматься тем трудом, к какому он преимущественно уклонен по своей природе.

Населенные земли образуют обширную федерацию, которая изгонит из своих пределов войну и которая будет говорить на одном и том же языке. Понятие «отечество» будет заменено понятием «человечество».

Остановимся на этом. Было бы бесполезно вновь формулировать критические замечания, которые относятся равным образом и к Луи Блану и к Видалю.

«Трактат о материальных улучшениях» (отрывки)

Что может быть более плачевного! Значительная часть, высших и средних классов ведет себя так, точно подражая выродившейся аристократии, она серьезно намерена обогащаться, не работая.

Этот торжествующий эгоизм стремится к глубокой и открытой реакции.

Раздумывая над настоящим, я зачастую в результате оказывался охваченным мрачными предчувствиями и как бы подавленным возможными бедствиями.

Смотрите грозные знамения, обложившие горизонт: с одной стороны — в высших господствующих и состоятельных слоях бесстыдное распутство, растущая изнеженность, презренный индустриализм, неверие, систематическая и как бы официальная коррупция, гражданские распри, падение национального престижа, страшная зараза самоубийств, ядовитая пресса, бессильное, сбившееся с пути, духовенство, финансовая аристократия, фактически заступившая место аристократии родовой; и всюду горделивое тщеславие, богатство и стремление к внешнему блеску, и всюду неравенство, имеющее в основе своей различие ума и таланта, а не нравственной воли. Удел толпы — невежество, сон и рабство; труд и нищета; нищенство или бродяжничество.

Под материальными улучшениями мы, как и все люди, разумеем все работы, предприятия, средства физического порядка, результатом которых является добавочное или более экономное производство материальных богатств.

Что занимает массы, чего они упорно добиваются, чего они хотят так же, как и буржуазные классы, чего они добьются совместно с ними — это свободы обогащаться. Этими чертами отмечены все

политические движения: их причина или то, что их непосредственно вызывает, заключается в неравенстве материальных средств.

Всемирная история доказывает нам, что за сценой событий основным двигателем современных интересов и всех великих драм, свидетелями которых мы являемся, заключается в вопросе о богатстве.

При наличии данного количества богатств есть лишь два способа действовать: тем, кто не доволен своей долей и решил добыть себе лучшую, остается лишь путем грабежа или насилия отобрать богатство других; или же найти средство добыть себе это трудом.

...До сих пор высшие классы только тем и занимались, что ограждали себя от насилия и грабежа, вместо того, чтобы поступать так, чтобы им не завидовали, не жаждали их богатств и не посягали на их положение; вместо того, чтобы поступать так, чтобы не иметь врагов, они только и думали о том, как бы держать натянутыми вожжи, как бы парализовать силу обездоленной толпы; была изобретена, система; самозапреты и уголовной наказуемости вместо тощ чтобы заложить основы национальной политической экономии и использовать лежачие без дела капиталы, — излишек дохода тех, на долю которых перепадает слишком много, — в интересах того, чтобы создать, производить дополнительные богатства для тех, у кого нет ничего или есть недостаточно.

...Насилие — печальная крайность, которую никто не должен рекомендовать, потому что никто не знает, куда она приведет; насилие было средством, к которому прибегали в нужде средние и низшие классы почти у всех народов.

Оставлять массу в нищете или вечно под ударом нищеты, значит увековечить анархию и революционную смуту, значит фактически узаконить право богатых на рабов, узаконив и фактически и юридически рабство бедных.

...Чтобы быть более свободными, рабочим не хватает благосостояния, а хозяевам, буржуазии, уверенности в завтрашнем дне... Если от высших классов нации, представленных хозяевами, зависит благосостояние рабочих и низших классов, то с таким же правом можно сказать, что и рабочие являются вершителями судеб безопасности высших классов.

Вот в каком пункте солидарность сильных и слабых, малых и великих действительно реальна, интимна и серьезна; злая воля во всемирной истории трудно объяснима, но мы видим, как высшие классы возбуждены против низших.

...Самое слепое, самое нежелательное уклонение то, которое отнимает у классов, владеющих социальными привилегиями, вырванными у предшествующей им аристократии, весьма естественное желание великодушно взять в свои руки инициативу улучшений и прогресса, направленного на благо классов подчиненных, которые всегда помогали им восторжествовать и которые без этого непременно будут завидовать их благосостоянию,

изобретать средства их его лишить, разделить или, наконец, оспаривать его законность.

Всюду и всегда господствующий класс, едва освободившись сам, уже занимает позицию, враждебную тем классам, которые только что находились с ними в общем рабстве... Ни одно правительство не хочет быть слугой, опекуном, проводником и инициатором классов наиболее неимущих; все хотят быть хозяевами, владельцами; ни один высший класс не хочет рассматривать свое положение как известную функцию, обязанность, долг, — а в социальных преимуществах, — прерогативы и выгоды, связанные с выполнением этого долга.

...Необходимо, чтобы масса имела Право и возможность улучшить свое материальное положение путем плодотворного труда. Это неоспоримо; и однако есть случаи, когда материальные улучшения невозможны для народа в целом или для части народа, настолько деспотизм и неравенство условий тяготят над ним; тогда революции приходят на помощь, как сильно действующее средство.

...Рабочие и мелко-собственнические классы требуют себе политических прав, пожалуй, как цели, потому что, в конце-концов, это признаки власти, достоинства и уважения, но еще больше как средства, потому что они надеются, что их голос будет способствовать установлению равновесия судеб людей, тогда как классы, фактически обладающие политическими правами, зачастую создавали законы исключительно себе на пользу.

...Средние классы в Европе должны помнить свое происхождение, деяния и поступки отцов и для того, чтоб облегчить доступ к благосостоянию и свободе людям пролетарских классов, обладающим доброй волей, они должны поступать так, как они вынуждены были сами поступать для завоевания свободы, которой они теперь пользуются... Это — необходимость, это — долг. Больше того: это диктуется их собственным интересом.

...У высших классов нет иного выхода: или стать руководителем и поддержкой народов, или превратиться в их врагов... Или антагонизм, или руководство.

Материальные улучшения — ближайшее и всеобщее условие высокого нравственного и умственного прогресса народов, взятых коллективно в их Массе; но материальные улучшения не влекут за собой раздела добавочных создаваемых богатств.

Мы уже видели, как кредит в общем и целом способствует нарастанию улучшений такого сорта, более обильно распределяя и пролетаризируя, так сказать, орудия производства и ускоряя обмен продуктов.

Равным образом, мы уже показали, сколь воспитание и образование по существу ведут к тем же результатам, как кредит; образование и воспитание, по мере усовершенствования их методов и обобществления их действия, дают в жизни отражение малейшему неравенству моральному, умственному и денежному среди людей.

Но какова бы ни была растущая сила этих могучих рычагов всякой цивилизации, поскольку способ труда будет оставаться тем, чем он есть, он не ускорит, он помешает даже более справедливому распределению социальных благ; материальные улучшения будут увеличиваться о трудом и, во всяком случае, если это и совершилось бы, то ценой колоссального и бессовестного расточения времени, сил и капиталов.

Политическая экономия, наконец, признала и громко заявила: все дробится, изолируется, идет беспорядочно при нынешнем строе промышленности, торговли и земледелии. Нет ни настоящего единения, ни соревнования. Каждый, предоставленный своей собственной слабости, производит мало и скудно. Производство, распределение, потребление, удовольствия, привязанности, изобретения, открытия, искусства, справедливость, истина, счастье и свобода... все с точки

зрения науки посредственно, недостаточно, абсурдно, несправедливо, плачевно или лживо: благодаря этому, благодаря разрозненным действиям индивидуумов, неорганизованности труда и отсутствию солидарности в семьях, проистекает все зло.

Надо стремиться к такому состоянию промышленности, где все будет предусмотрено, связано и координировано: люди и вещи, труд и капитал; надо производить в крупном масштабе, в таком же масштабе транспортировать, потреблять: в этом благо.

Метод труда, соответствующий этому коренному преобразованию — ассоциация. Этот метод наиболее экономичен, он позволяет производить материальные улучшения самые грандиозные с наименьшей затратой времени, с наименьшей затратой средств, с наименьшей потерей живой человеческой и животной силы.

Глубокая причина зла, удручающего человечество, это не только злая воля людей, но и несовершенство экономической среды, которая их окружает. Собственно говоря, люди несчастны лишь потому, что не выполняют долга любви, милосердия и взаимного самопожертвования; но надо сознаться, что применение всего этого сделалось трудным и невозможным или же недостаточным, потому что люди не умеют комбинировать своих усилий, им не хватает организации труда, промышленного и торгового механизма, который бы позволял всем развиваться и наслаждаться без того, чтобы благосостояние одних непременно вызывало бедствия других. Так, например, факт,—что при нынешнем положении торговли предприниматель может обогащаться без того, чтобы участь рабочих улучшалась пропорционально его собственной; несомненно, что если мануфактурист, торговец или заимодавец благоденствует, много продает, то это обуславливает собою несравненно меньше благоденствия и оборота его соседа, собрата. Наконец, факт, что ложь и плутовство зачастую более выгодны, чем справедливость и добрая воля, и вы изо дня в день можете слышать, как люди

коммерческие заявляют, что торговцу трудно, если не невозможно, остаться честным, если только он хочет устраивать свои дела. Итак, надо изменить не только людей, или, вернее, очистить надо не только их волю, но и торговые отношения, т.-е. среду.

Но для изменения этой среды необходимы определенные мероприятия, комбинации экономического и промышленного порядка, лучшая организация труда. Несомненно, зачастую надлежит обращаться к человеческой воле, говоря: воспретите себе такой-то поступок, проявите добрую волю, но постоянно надо говорить науке, закону, учреждениям, правительственной власти, людям, питающим добрые намерения: сделайте это возможным или сделайте, чтобы это было невозможно, например, постройте промышленность таким образом, чтобы плутовство и ложь было не только трудно практиковать, но и бесполезно.

Таким образом, величайшая задача века — поставить массы в материальные условия, дающие им возможность развиваться умственно, чтобы быть более свободными.

Выход — в ассоциации, потому что злоупотребление коренится как раз в индивидуализме. Изолированный интерес каждого отдельного коммерсанта — причина тому, что он чувствует солидарность лишь с самим собой. Поскольку дела его идут хорошо, все окружающее в его глазах прекрасно: его мир — его семья. Наоборот, при ассоциации интересов индивидуум пользуется благосостоянием лишь постольку, поскольку им пользуется коллектив, члены ассоциации, потому что его дивиденд зависит от общего дивиденда общества, в состав которого он входит.

...Чтобы понять всю важность ассоциации, надо принять во внимание, что применение в настоящем и в будущем мощных машин непременно требует объединения воедино крупных капиталов и многочисленных рабочих—в крупные учреждения и многолюдные мастерские, иными словами — требует ассоциации.

Но что делает этот метод труда в высокой степени социальным, это то, что он ведет напрямик мирными, медленными, окольными, но верными путями к лучшему распределению производимых благ; что он ведет к преобладанию лучших и наиболее искусных; ведет к тому, что способности развиваются согласно справедливости и благу ближнего; приводит к действительной величайшей солидарности между рабочими и предпринимателями, собственниками и пролетариями, или, иными словами, между капиталом, умением и трудом и осуществляет крепнущее изо дня в день соглашение и равновесие между этими тремя активными факторами производства богатств; потому что ассоциация создает порядок, регулярность, единство, гармонию интересов и воли, в той же мере, в какой конкуренция родит беспорядок, столкновение и ожесточенную борьбу.

Если же вы будете и дальше поддерживать плачевное неравенство, — условия, которые отделяют богатых от бедных, при

абсурдной организации труда, которая, не обогащая одних, приведет к осеяуденню и, в конце-концов, к голодной смерти, других, то проклятье разразится над вами и невероятные бедствия падут на вашу голову.

VII. Кабе

Вели изучать социальные системы, восхваляемые социологами июльской монархии, то впереди всех стоит Кабе. Он не довольствуется требованием ограничения права наследования, провозглашением права на труд и прославлением субсидируемой государством кооперации. Кабе ясно, недвусмысленно становится на сторону коммунизма.

До него мало кто признавался в сочувствии коммунизму. Еще больше чем коллективисты, или простые государственники в стиле Видаля и Луи Блана, последователи Бабефа были объектом яростных нападков. Государственник, своей верой в государство, которое было государством современным, государством буржуазной Диктатуры, с ее вооружениями, ее политическим аппаратом, не внушал священного ужаса представителям ортодоксальной экономической школы. Они видели в нем противника, но не врага. Коллективизм, передававший в руки общества управление делами и жаждавший децентрализации управления, намечал переходную программу, не отменяя ни права наследования, ни права завещания: это было хрупкое звено с существовавшим строем.

Коммунист в глазах людей той эпохи был ненавистным созданием, дикарем, угрожавшим городскому спокойствию, прочности семьи, чистоте женщины, вандалом или гунном, старавшимся пробить брешь в современном строе, чтобы посеять террор и устраивать погромы. Таков понимание коммунизма старались внушить крестьянству и мелкой буржуазии: реакционные партии бонапартистов, легитимистов, орлеанистов и трехцветных республиканцев, как выражался Маркс. В нашу эпоху вновь извлекли из-под спуда идеи людей, живших 70—80 лет тому назад.

К числу таких коммунистов принадлежал Кабе. Он заслуживает изучения, потому что его догматическое или полемическое изложение идей приковывает к себе внимание, а затем, как автор коммунистического романа, который по сей день остается одним из лучших в своем роде, вопреки своему утопическому, характеру; этот роман стал предметом подражания, почти сплошным позаимствованием со стороны многих, которые впоследствии больше пользовались известностью и получили большее распространение.

Идея Кабе нашла свое выражение не только в Икарии, но и в других произведениях, как, например, в «Истинном христианстве».

Бросим взгляд на Икарию.

В икарском строе нет частной собственности. Все граждане имеют равные права, производят равную работу; деньги отсутствуют; чиновники избираются на время, всегда могут быть отозваны, проблемы, имеющие общий интерес, обсуждаются палатой в составе 2.000 членов, но народу принадлежит право инициативы или референдума.

Столица Икара – современный город, в котором на лицо все последние технические усовершенствования, крытые улицы, великолепные коллекции, художественные институты, коллективное оборудование для снабжения, образцовые дома, громадные школы, где находят себе место все знания и через которые проходит все население. Там счастье – удел всех, обеспеченность – тоже, это – всеобщий дружественный союз. Так утверждает Кабе.

Проникнем в учреждение этой республики. Все капиталы: машины, железные дороги, сырье, – все принадлежит коллективу, и он каждый год определяет количество продуктов, которое надлежит производить. Вне коллектива нет промышленности, нет торговли; с помощью ведущейся изо дня в день статистики определяются размеры потребления; эта статистика указывает группам и индивидуумам, что им надлежит делать, снабжая их необходимыми материалами и орудиями. После того, как работа выполнена, товары свозятся на общие склады, где каждый может получать согласно своим потребностям.

Каабе, как и другие, чувствует отвращение к неприятному труду. В Икарии нет неприятного труда: благодаря неуклонному прогрессу машинного производства удается сэкономить человеческую энергию. Граждане сами выбирают себе профессию, а в случае соревнования, решает конкурс. Ни соперничество редко имеет место. Тут нет деления на труд благородный и труд презираемый, труд хорошо и плохо оплачиваемый. Коммуна в корне отличается от хозяина, который платит в зависимости от производимого труда. Все виды труда, равны, каждый считает свой труд обязанностью и каждый служащий считает свою службу трудом. Тут работают не па, частное лицо, не на группу капиталистов, но на общество в целом, и труд лишается своего оскорбительного характера. В Икарии, как и в земледельческих колониях Фурье и фурьеристов, земледелие играет основную роль. Церковь отделена от государства, религия сводится к смутной теории братства и туманному деизму. Общественное мнение вменяет в обязательство супругам верность, изгоняя многоженство и прелюбодеяние: моногамия – закон.

Продолжим наш анализ. В общественном собрании говорят мало – болтунов мало уважают – но стараются действовать на пользу общества. Так как за провинциальными и коммунальными собраниями сохраняются широкие прерогативы, в силу широко задуманного принципа децентрализации, то национальное собрание обладает весьма ограниченными полномочиями. Газет мало, и они ограничиваются простым изложением событий.

Театру отведено особое место. Все икарийцы могут ходи п. туда поочередно, входные билеты раздаются так же, как пищевые продукты.

Но каким образом перешли от режима доикарийского к строю икарийскому, от общества капиталистического к обществу коммунистическому? Этого вопроса Кабе не касается. Вначале в Икарии была сохранена частная собственность, но введенные резко-прогрессивные налоги на капитал и наследование сузили область частной собственности; регламентации заработной платы в законодательстве

тоже нанесла удар капитализму. Сотни миллионов, взятые из государственной казны или явившиеся результатом сведения на-нет военного бюджета, позволили дать людям работу, обеспечить жилище беднякам, сделать обучение всеобщим...

Во второй части своего романа Кабе оценивает произведения авторов, ему предшествовавших. Он восторгается Бабефом, но критикует сен-симонизм и фурьеризм.

Он излагает свою собственную доктрину в третьей части, указывая на частную собственность, денежное обращение, анархию производства, как на источник наших бедствий и доходит до религиозных теорий, проповедуя возврат к экономике первобытного христианства. По его мнению, Иисус хотел создать социальную демократию, и будущий коллектив будет лишь применением апостольской морали. Кабе заканчивает, взывая ко всем ученикам Иисуса Христа, проел у них содействия для основания коммунизма. Таким образом, Кабе носит на себе печать своего времени, и едва ли стоит обсуждать эту заключительную часть, которая ни в чем не соответствует современным воззрениям пролетариата.

Кабе нигде не указал, что экономическая эволюция, растущая концентрация капитала приводят к новым формам! он взывал лишь к морали и справедливости, а история являет много примеров, чего стоят эти метафизические факторы, над которыми всегда издевается практика.

Кабе верит в людскую доброту, великодушие власть имущих. Он не замечает глубокого антагонизма классов и не признает за народом права на восстание. Вот его утопия. По мнению автора «Икарии», путем убеждения будет положен конец господству одних и рабству других. Если для этого мало десяти лет, пусть будет 30, 50, 100. Длительный переходный период лучше срыва общественного согласия; народ совершил бы преступление, пустив в ход насилие ради своей выгоды, так как насилие всегда приводит к тирании. Вот знаменитое изречение Кабе: «если бы я держал революцию в своей руке, то я бы руку не разжал». В этих нескольких словах все отличие химерического социализма предшественников Маркса от реального, революционного социализма, хартией которого является Коммунистический Манифест.

Социализм сотрудничества, с одной стороны; социализм борьбы – с другой. Вся история последних трех четвертей века свидетельствует о бесплодии и смертельной опасности, скрытой в первом. Эпизоды 48 года говорят достаточно внятно. Освобождение пролетариата, может лишь быть делом самого пролетариата. Он оказался бы объектом самого слепого надувательства, если бы рассчитывал на предпринимателей, якобы способных вести его к освобождению. Произведения утопистов заслуживает изучения, во-первых, потому что в них содержится полезная критика капиталистического общества, а затем потому, что надо ознакомиться с их заблуждениями и разобрать их при свете трагических событий и убийственного опыта, дабы никогда их не повторять.

«Путешествие в Икарию» (отрывки)

Принципы и доктрины коммунизма

Что такое естественные или: божественные права? Это права, дарованные природой или божеством.

Что такое социальные или человеческие права? Это права, дарованные обществом или изобретенные людьми.

Каковы права естественные? Главнейшие — право жить и развивать все свои способности — физические и духовные.

Все ли люди обладают одинаковыми естественными правами? Да, потому что эти права вытекают из сущности человека и потому, что все люди имеют одну и ту же сущность.

Поделила ли природа землю между людьми? Конечно, нет: она отдала землю человеческому роду в целом, не отведя никому определенной доли. Все философы признают, что природа даровала все всем, не деля его на части, и что все земные блага составляют естественную и первобытную собственность всех.

Значит, не природа установила начало собственности? Конечно, нет. Она не устанавливала собственности, но и не диктовала общего пользования; она предоставила людям пользоваться земными благами, как это им будет угодно, — или учредив собственность или сохранив общность пользования.

Был ли когда-нибудь действительный дележ земли между людьми? Нет, каждый захватывал, что ему удавалось, не испрашивая ничьего согласия и зачастую без чьего бы то ни было ведома.

Является ли нация настоящим обществом? Нет. В каждой нации есть общество аристократов, но нет общественной связи между аристократией и народом, между богатыми и бедными. Эти последние с точки зрения первых нечто в роде афинских рабов, с точки зрения природных афинян.

Можно ли организовать такое мнимое общество? Нет, потому что оно — продукт завоевания, силы, несправедливости, узурпации или неопытности, невежества и варварства.

Обладают ли дети бедняков еще и ныне естественными правами? Конечно: теперь, как и всегда, все дети — в момент рождения — дети природы; все теперешние люди — такие же люди, как и первобытные; от природы всем принадлежат равные права...

Нынешняя мнимая организация общества хороша ли она, по крайней мере, для аристократов и богачей? Нет, она составляет несчастье бедняков, не обеспечивая счастья и другим; она порождает среди них непрерывную войну, имеющую следствием бесчисленные бедствия.

В чем главный порок политической организации? В том, что закон пишется аристократами или богатыми.

Неужели нет лекарства для излечения болезни? Конечно, есть, иначе к чему бы служил человеческий разум?

Каково же это лекарство? Устранить причину зла, т.-е. уничтожить неравенство, собственность и деньги, и на место их водворить равенство во всем и общность.

Так, значит, общность позволяет соблюсти естественные нравы? Да, так как ее основной принцип сохранить и усовершенствовать природное равенство.

Каков ее принцип в отношении личности? Нация или народ образуют истинное общество, построенное согласно общему интересу; все члены нации — братья, члены ассоциации, совершенно равные в смысле права и обязанностей. Сама нация является лишь семьей; это — единая духовная личность.

Какой принцип лежит в основе пользования благами? Все блага общие и образуют общественный капитал; все земли образуют единое сообща обрабатываемое целое.

Какой принцип лежит в основе промышленности!? Общественная промышленность едина, т.-е. образует единое промышленное целое, где работает народ как один человек; где производится все необходимое на началах разделения и урегулирования труда, дабы производить елико возможно большее без двойной работы и без лишней затраты сил.

На каком принципе строятся права и обязанности? Они для всех одинаковы: каждый обязан трудиться равное количество часов в день по мере своих способностей, и согласно его потребностям имеет право на равную долю всех производимых продуктов.

Нет ли несправедливости в том, чтобы талантливый; гениальный человек получал часть наравне с прочими? Нет, потому что талант и гений являются результатом воспитания, даваемого обществом, и талантливый человек поэтому был бы ничто вне общества.

Как рассматривается труд? Как общественная служба, а всякая общественная служба рассматривается, в свою очередь, как труд. Труд и общественная служба рассматриваются так же, как своего рода налог.

Есть ли другие налоги? Нет, исключительно равное участие каждого в труде и общественном служении.

На каком принципе построен труд? Он всеобщ и обязателен для всех: работают вместе, в громадных общественных мастерских, при чем стремятся сделать труд насколько возможно более привлекательным, кратковременным, облегченным благодаря применению машин.

Какой принцип применяется к машинам? Их никогда не будет слишком много. Все, что только можно, делается посредством их. На каком принципе зиждется снабжение пищей, одеждой, квартирой и мебелью? По возможности, они должны: быть одинаковы для всех, изготовлены общиной в целом и предоставляемы ею каждому. Все делается согласно установленному законом образцу.

Каким принципом руководиться в отношении удовольствий и роскоши? Община производит сначала необходимое и полезное, потом приятное, не ставя при этом иных ограничений, кроме диктуемых разумом.

Можно ли одним махом заменить систему, построенную на собственности и неравенстве, коммуной? Нет: необходим переходный строй.

Каков этот переходный строй? Строй, который, все еще сохраняя собственность, возможно больше устраняет нищету и постепенно сводит на-нет неравенство состояний и общественных прав; строй, который, путем воспитания одного или нескольких поколений, создает пригодных для коммунального строя людей, который в первую очередь открывает свободу для дискуссий и ассоциации, а затем дарует всеобщее голосование.

Почему же сразу не уничтожить собственность? Потому, что собственники на это не согласятся, а мы должны во что бы то ни стало избежать насилия; да и потому, что невозможно в материальном отношении в один момент выполнил, все работы, необходимые для коммунального строя.

Итак, надо усвоить принцип коммунальности но отсрочив полное и окончательное осуществление ее? Да, в силу необходимости, потому что аристократия отвергает принцип коммунальности она отвергнет и переходный строй и какую бы то ни было реформу.

Но как заставить аристократию согласиться на принцип коммунальности? Надо ли пускать в ход силу? Нет, ни насилия, ни революции, а, следовательно, ни заговора, ни покушения.

Почему? Я мог бы привести много оснований, но ограничиваюсь теми, которые вытекают из интереса парода и общества в целом. Внимайте!

Насильственные революции—это война со всеми сопутствующими ей возможностями. Они чрезвычайно трудны потому, что правительство уже самым фактом своего существования обладает колоссальной силой; она заключается в его правительственной организации, во влиянии, которое принадлежит аристократии и богатству, в обладании законодательной и исполнительной властью, в казне, армии и национальной гвардии, трибунале, суде и полиции с тысячами средств разбить и разложить.

...Народ жаждет революции не только теперь: с самого начала мира не проходило и года, чтобы народ не чувствовал потребности сбросить ярмо аристократии для отвоевания естественных прав; и, однако, как мало делалось активных попыток произвести революцию по сравнению с тем, сколько раз революции жаждали! А среди попыток к революции сколько из них достигали цели, не будучи позднее обмануты или уничтожены аристократией.

Не богатых ли надо распропагандировать в первую очередь? Несомненно, так; полезнее всего начинать с них, потому, что

богатство и знание пользуются большим влиянием и скорее могут обратить других богатых и даже бедных: скольких последователей имели Ламене и Ламартини, Аржансоны и Дюпон де Лер, скольких увлекли они за доктриной, апостолами которой являлись!

Можно ли ждать, что богачи будут обращены? А разве можно сомневаться в этом? Разве нет просвещенных, справедливых, великодушных богачей?

Итак, за дело, за дело, все богатые и бедные, кто только исповедует принцип коммунальности! Обсуждайте, проповедуйте, обращайтесь, пропагандируйте! Подбирайте мысли и доказательства, могущие облегчить процесс обращения других! Я начал, другим это удастся лучше, чем мне!

Не надо конспирации, не надо конспиративной ассоциации, которой всегда грозит нетерпение и разъединение! Никаких задних мыслей! Только дискуссия!

Не надо частичных попыток осуществления коммунального строя: успех их принес бы мало пользы, а крушение, почти неминуемое, наделало бы много бед. Последователей, только создавать последователей, пока вся масса не усвоит принципа коммунизма.

Если бы я держал революцию в своей руке, то я бы ее держал сжатой, хотя бы мне грозило умереть в изгнании.

Нынешние коммунисты — ученики, подражатели и последователи Иисуса Христа.

Блудите доктрину, проповедуемую Иисусом Христом.

Если хотите, скажите, что она слишком прекрасна, что его мечта, неосуществимая утопия... но вы не смеете говорить, что она безнравственна, презренна, ненавистна.

Не говорите, что коммунизм, это — аграрный закон, потому что это — нечто совершенно противоположное, так как он не хочет дележа.

Не говорите, что коммунизм, это — насилие: он зовет лишь к дискуссии, убеждению словом, выявлению общественного мнения и воли нации.

Не презирайте коммунизма, это - самая чистая, самая нравственная и даже самая религиозная доктрина.

...Не презирайте, не отталкивайте настоящих коммунистов, потому что они желают лишь справедливости и порядка, труда и согласия, братства и счастья всех людей.

Коммунальный строй — это взаимное и универсальное страхование всех всеми. При помощи умеренного труда он обеспечивает каждому воспитание, возможность вступления в брак, пищу, квартиру, одним словом — все.